

ПАДЕНИЕ

ТИДЖЕЙ НЬЮМАН

18+
РОМАН

Ти Джей Ньюман

Падение

Серия «Vol.»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68291417

Individuum, Bookmate Originals; 2022

ISBN 978-5-6048006-1-4

Аннотация

Регулярный рейс 416 компании «Коустал Эйрвейс», маршрут Лос-Анджелес – Нью-Йорк, сто пятьдесят душ на борту. При взлете командир экипажа Билл Хоффман узнает, что вся его семья похищена террористом, который выдвигает простые условия: либо Билл разбивает самолет, либо его родных убьют. У команды рейса есть несколько часов, чтобы предотвратить катастрофу, – и никаких гарантий успеха.

Бывшая бортпроводница Ти Джей Ньюман десять лет отработала в американских авиалиниях. Первые наброски своего дебютного романа «Падение» она делала на салфетках во время ночных полетов, пока пассажиры спали, а последние правки вносила уже во время пандемии коронавируса, когда самолеты перестали летать. Ее динамичный технотриллер сочетает искреннюю любовь к авиации и умение каждую минуту держать читателя в напряжении.

Содержание

Глава первая	15
Глава вторая	27
Глава третья	41
Глава четвертая	64
Глава пятая	77
Глава шестая	92
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ти Джей Ньюман

Падение

© 2021 by TJ Newman

Avid Reader Press, an Imprint of Simon & Schuster, Inc. as
the original publisher

© Сергей Карпов, перевод, 2022

© ООО «Индивидуум Принт», 2022

* * *

T. J. NEWMAN

FALLING

ТИ ДЖЕЙ НЬЮМАН

ПАДЕНИЕ

Перевод с английского
Сергея Карпова

Bookmate Originals / Individuum
Москва, 2022

Вот что творит Бог!
Числа 23:23

Когда ей на колени упал ботинок, в нем все еще была нога. Она с визгом ее отшвырнула. Окровавленное мясо зависло в воздухе, а потом его засосало в огромную дыру в борту. В проходе рядом с ее креслом ползла стюардесса и кричала, чтобы пассажиры надели кислородные маски.

За всем этим из хвоста самолета наблюдал Билл.

Пассажирка с ботинком явно не слышала, что именно кричит молодая стюардесса. Скорее всего, она ничего не слышала с момента взрыва. Из ее ушей текли тонкие струйки крови.

От взрыва стюардессу подбросило, потом она упала и со стуком ударилась кудрявой головой о пол. Еще секунду лежала неподвижно, но тут самолет резко нырнул. Заскользив по проходу вперед, она стала хвататься за металлические скобы под сиденьями. Уцепившись, трясущимися руками попыталась подтянуться на накренившемся полу. Завалилась на бок, ее ноги болтались в воздухе. По салону носило хлам: бумажки, одежда, ноутбук, банка из-под газировки. Детское одеяло. Словно вокруг бушевал торнадо.

Билл проследил за взглядом стюардессы – и увидел небо. Сквозь огромное отверстие, где всего тридцать секунд на-

зад был аварийный выход на крыло, теперь светило солнце. Там только что собирала мусор вторая стюардесса.

Билл видел, как рыжеволосая старшая бортпроводница улыбнулась, взяла рукой в перчатке пустую чашку, положила в пакет – и в один взрывной момент пропала. Пропал целый ряд. Пропала целая сторона. Билл уперся ногами, когда самолет завихлял вправо-влево, не в силах удержать курс. «Ну конечно, руль направления», – подумал он. Скорее всего, поврежден весь хвост.

Над головой стюардессы-брюнетки раздался треск – раскрылись багажные отделения. Сумки выбросило, с силой разметало по салону. Большой розовый чемодан на колесиках утянуло прямоком в дыру. Вылетая, он ударился о край фюзеляжа и сорвал кусок обшивки. Через обнаженную сетку каркаса просвечивало небо. Хлещущие провода шипели и плевались рыжими и желтыми искрами, а за ними до самого горизонта были разбросаны облака. Билл прищурился из-за солнца.

Самолет выровнялся достаточно, чтобы стюардесса могла сесть на корточки. Билл смотрел, как она борется с собственным непослушным телом. Как подтянула к себе ногу, но обнаружила, что тазовая кость торчит наружу. Она несколько раз моргнула при виде окровавленной раны, потом поползла дальше.

– Маски! – кричала она, медленно подтягивая себя по проходу к концу самолета, но ее голос почти заглушался ре-

вом ветра. Она увидела мужчину, который никак не мог поймать кислородную маску. Наконец поймал и хотел надеть, но налетел ветер и вырвал ее из пальцев, резиновые ремешки затрепетали.

Серый туман душил салон водоворотом мусора и хаоса. В воздухе пролетела металлическая бутылка, ударила стюардессу в лицо. Из носа брызнула кровь.

– Его застрелили! Моего мужа! Помогите!

Билл оглянулся на женщину, отчаянно колотившую кулаками по безжизненной груди мужчины. Из двух кружочков у него на лбу по глазам и щекам струилось красное. Стюардесса, смахнув с лица кудри, подтянулась за подлокотник, пригляделась.

Это были не пули. Это были заклепки от обшивки.

Началась бешеная болтанка, под ногами задрожал пол. Билл чувствовал, как под ним все шатается. Выдержит ли корпус? Сколько у них еще времени?

Стюардесса продолжала ползти, угодив рукой в темное пятно на ковре в тот миг, когда Билл почувствовал запах мочи. Она взглянула на мужчину в кресле у прохода. Тот в шоке таранился куда-то перед собой, а у его ног расползалась лужица.

– Лед, – простонал кто-то.

Стюардесса обернулась. Билл смотрел, как пассажирка с другой стороны прохода протягивает ей обеими руками кусок мяса. Стюардесса отшатнулась. Подбородок и шею пас-

сажирки окрасило алым.

– Лед, – повторила она, и у нее изо рта хлынула кровь. Она держала свой язык.

Билл оглянулся через плечо, увидел, как за дверью бортовой кухни треплет на ветру трубку внутреннего телефона, к которому упрямо ползла стюардесса. Посмотрел на дверь в другом проходе. Третья стюардесса лежала на полу рядом с упавшей пачкой сока. Билл видел, как оранжевая жидкость, густо плюхая на пол, смешивается с красной лужей у тела.

Наконец брюнетка доползла до конца прохода, похрустывая разбросанными пакетиками сахара и сливок. Протянула руку, но тут же отдернула.

На ее пути возникли черные туфли.

Стюардесса подняла взгляд. Она лежала у ног Билла, вся переломанная и окровавленная, раскрыв рот, но не произнося ни слова. Галстук Билла полоскало на ветру. На них обоих вопили двигатели, требуя хоть какого-то действия.

– Но... если вы... – выговорила стюардесса, глядя на Билла с таким выражением, словно ее предали. – Тогда кто в кабине, капитан Хоффман?

Билл резко вздохнул, словно хотел ответить, но не мог.

Бросил взгляд через весь салон – на закрытую дверь кабины.

Он должен быть по ту сторону.

Билл перескочил через стюардессу, бросился по проходу. Он бежал изо всех сил, но чем быстрее бежал, тем как будто

дальше становилась дверь. А вокруг кричали люди, умоляли остановиться и помочь. Он все бежал, а дверь все отдалялась и отдалялась. Он закрыл глаза.

И вдруг врезался, ударился лбом о непробиваемую поверхность. Отшатнувшись от двери, схватился за голову. Пытался сообразить, оглушенный, как попасть в запертую кабину, но ничего не шло на ум. Он колотил в дверь, пока не отбил кулаки.

Задышавшись, отступил, чтобы пнуть, и тут услышал щелчок. Дверь приоткрылась. Билл ворвался внутрь.

Почти на всех поверхностях мигали красные и желтые огоньки. Неустанно визжал сигнал тревоги, оглушительно громкий в этой тесной камерке. Билл сел на свое место слева – в кресло командира.

Попытался сосредоточиться на экране перед собой, где из-за болтанки то и дело сменялись цифры. Куда ни глянь, везде красное. На него кричали все индикаторы, все тумблеры, все мониторы.

За окном – все ближе и ближе земля.

«Не расслаживайся», – приказал себе Билл.

Протянул руки.

Застыл.

«Твою мать, ты же командир. Вот и принимай решение. Время на исходе».

Тревога заорала громче. Механический голос твердил, чтобы он поднял нос самолета.

– А может, несимметричная тяга?

Билл обернулся. В кресле второго пилота пожал плечами его десятилетний сын Скотт. Он был в своей пижаме с планетами. Ноги не доставали до пола.

– Можно попробовать, – добавил мальчик.

Билл перевел взгляд на руки. Пальцы отказывались слушаться. Просто зависли в воздухе.

– Ну ладно. Тогда трудный вариант. Уходи в штопор и выравнийся с помощью скорости падения.

Он снова обернулся – теперь в кресле расслабленно сидела его жена. Скрестив руки, смотрела на него со своей фирменной усмешкой. Она так усмехалась, когда оба знали, что она права. Боже, какая же она у него красивая.

По шее градом катил пот, пока он пытался сдвинуться с места и сделать хоть что-то. Но так и сидел, парализованный страхом перед тем, что выбор окажется неправильным.

Кэрри убрала волосы за ухо, наклонилась ближе и положила руку ему на колено.

– Билл. Пора.

Он резко вскочил, хватая ртом воздух. В щелку между штор лился лунный свет, стекая ручейком по широкой кровати. Билл пробежал по комнате глазами в поисках мигающих огоньков. Прислушался, но вместо тревоги услышал только лай соседской собаки на улице.

Уронил голову на руки и выдохнул.

– Опять тот же самый? – спросила Кэрри, приподнявшись рядом на кровати.

Он кивнул в темноте.

Глава первая

Встряхнув одеяло, Кэрри накрыла постель и разгладила складки. Аромат свежескошенной травы привлек взгляд к открытому окну. На той стороне улицы сосед утерся подолом рубахи, потом с лязгом закрыл мусорный бак с обрезками травы. Поташил его на задний двор, помахав проезжающей машине, из которой доносилась громкая музыка. Позади Кэрри, в ванной, выключился душ.

Она вышла из спальни.

– Мам, можно погулять?

Внизу лестницы стоял Скотт с пультом от машинки на дистанционном управлении.

– А где твоя... – начала Кэрри, спускаясь.

В комнату, пуская слюни, вползла малышка. Добравшись до ног брата, Элиза схватилась за его шорты и подтянулась, затем встала, слегка покачиваясь.

– Ладно, а посуду в раковину сложил?

– Ага.

– Тогда можно, но только на десять минут. Возвращайся, пока не ушел папа, хорошо?

Мальчик кивнул и помчался к двери.

– Нет уж, – окликнула его Кэрри, взяв Элизу на руки. – Ботинки.

Сперва им было непросто с ребенком-сюрпризом, родив-

шимся через десять лет после первенца. Но семья из трех училась быть семьей из четырех, и скоро Билл и Кэрри поняли, что старший брат, например, вполне может присмотреть за малышкой, пока взрослые одеваются и заправляют кровать. И тогда стало попроще.

Кэрри вытирала с детского стульчика остатки батата и авокадо, когда открылась входная дверь.

– Мам? – крикнул Скотт с тревогой в голосе.

Поспешив за угол, она обнаружила, что тот уставился на незнакомца. Гостя на крыльце явно застали врасплох: его рука замерла на полпути к звонку.

– Здравствуйте, – сказала Кэрри, перекладывая малышку на другое бедро и ненавязчиво вставая между сыном и незнакомцем. – Чем могу помочь?

– Я из «КэлКом», – ответил он. – Вы же звонили насчет интернета?

– А! – воскликнула она, широко открывая дверь. – Конечно-конечно, входите. – Кэрри поморщилась: она надеялась, что гость не заметил ее первой реакции. – Простите, к нам мастера еще ни разу не приходили вовремя, тем более с утра. Скотт! – прикрикнула она, и сын развернулся на месте в конце подъездной дорожки. – Десять минут.

Мальчик кивнул и понесся дальше.

– Я Кэрри, – представилась она, закрывая дверь.

Ремонтник поставил сумку в коридоре, и Кэрри наблюдала, как он оглядывает гостиную. Высокие потолки, лестни-

ца на второй этаж. Дорогая мебель, свежие цветы на журнальном столике. На каминной полке – семейные фотографии разных лет, последняя сделана на пляже во время заката. Скотт на ней – вылитая уменьшенная копия Кэрри: те же шоколадно-каштановые волосы развеваются от морского бриза, те же прищуренные зеленые глаза, та же широкая улыбка. Билл, чуть ли не на полметра выше Кэрри, держит в руках тогда еще новорожденную Элизу – ее лилейно-белая кожа светится на фоне его южнокалифорнийского загара. Мастер повернулся к Кэрри с улыбкой.

– Сэм, – сказал он.

– Сэм, – повторила она и улыбнулась в ответ. – Вас чем-нибудь угостить перед тем, как начнете? Я как раз собиралась заварить себе чаю.

– Чай – это вообще замечательно. Спасибо.

Она провела его в усеянную игрушками общую комнату, объединенную с кухней, залитой ярким солнечным светом.

– Спасибо, что пришли в субботу. – Кэрри усадила малышку обратно на детский стульчик. Элиза колотила кулачками по столу и хихикала с почти беззубой улыбкой. – У меня получилось договориться только на сегодня.

– Да, у нас сейчас большая загрузка. Сколько у вас уже не работает интернет?

– Дня два, – сказала она, наливая в чайник воду. – «Английский завтрак» или зеленый?

– «Английский завтрак», спасибо.

– А это нормально, что неполадки только у нас? – спросила Кэрри, зажигая конфорку. – Я поспрашивала соседей с «КэлКом» – у них все в порядке.

Сэм пожал плечами.

– Нормально. Может, дело в роутере, может – в проводке. Я проверю.

На лестнице раздались тяжелые шаги. Все следующие звуки были Кэрри хорошо знакомы: у двери поставят чемодан и наплечную сумку, затем по прихожей пройдут ботинки с кожаными подошвами. Через пару шагов он был уже на кухне – лакированные туфли, выглаженные брюки, пиджак и галстук. Крылья над нагрудным карманом – логотип «Коустал Эйрвейс», ниже выгравировано большими буквами «БИЛЛ ХОФФМАН». Такие же крылья украшали фуражку с золотым кантом, которую он аккуратно положил на стойку. Его появление оказалось удивительно драматичным, и Кэрри заметила, как сильно его официальный вид контрастирует с домашней обстановкой. Раньше она не обращала на это внимания – он же не спускается в полном облачении на ужины. Возможно, и сейчас-то заметила только потому, что с ними находился посторонний – тот, кто не знал его, не знал их семью. Так или иначе, сегодня это бросилось в глаза.

Билл убрал руки в карманы, вежливо кивнул мастеру, потом повернулся к Кэрри.

Она ответила на взгляд, поджав губы и сложив руки на груди.

– Сэм, вы не могли бы...

– Да, я, э-э, пойду начну, – ответил Сэм и оставил их наедине.

Часы на стене отсчитывали секунды. Малышка Элиза стучала обшлюнявленным зубным колечком по подносу, пока оно не выскользнуло из ее пальцев и не упало на пол. Билл подошел и подобрал игрушку, сполоснул в раковине и протер полотенцем, после чего снова вернул в тянущиеся ручки дочери. За спиной Кэрри тихо засвистел чайник.

– Я позвоню по фейстайму из отеля, там расскажешь, как прошел матч...

– Нью-Йорк, да? – перебила Кэрри. Билл кивнул.

– Сегодня Нью-Йорк, завтра Портленд, так что...

– После матча мы пойдем есть пищу. Из-за трехчасовой разницы, когда мы приедем домой, ты уже будешь спать.

– Ну ладно. Тогда первым делом с...

– Завтра утром мы встречаемся с моей сестрой и ее детьми, – сказала она и пожала плечами. – Так что посмотрим.

Билл вздохнул и выпрямился, расправил плечи с погонями, на которых было четыре золотые полосы.

– Ты же знаешь, мне пришлось согласиться. Попросил бы кто другой, я бы не полетел.

Кэрри устала в пол. Чайник уже вовсю визжал, и она выключила плиту. Постепенно свист стих, и вот уже на кухне снова только тикали часы.

Билл посмотрел на свои часы, выругался под нос. Поцеловал дочь в макушку и добавил:

– Теперь опоздаю.

– Ты никогда не опаздываешь, – ответила Кэрри.

Он надел фуражку.

– Я позвоню, как заселюсь. А где Скотт?

– На улице. Играет. Скоро вернется попрощаться.

Это была проверка, и она знала, что Билл это знает. Кэрри смотрела на него с другой стороны черты, которую только что негласно провела между ними. Он снова проверил время.

– Мы еще поговорим перед взлетом, – сказал Билл и вышел.

Кэрри проводила его взглядом.

Спустя мгновение открылась и закрылась входная дверь, и в доме воцарилась тишина. Кэрри стояла у раковины и смотрела в окно, как на дубе на заднем дворе трепещут листья. Где-то в отдалении завелась и уехала машина Билла.

Сзади раздалось покашливание. Торопливо вытерев лицо, она отвернулась от окна.

– Прошу прощения, – сказала она Сэму, смущенно закатив глаза. – Итак. Вы сказали, «английский завтрак». – Разорвав упаковку, она бросила чайный пакетик в чашку. Налила кипятка, от которого поднялся пар. – Вам с молоком или с сахаром?

Когда он не ответил, она обернулась.

Похоже, его удивила ее реакция. Наверное, он думал, что она закричит. Может, уронит чашку. Или, например, заплачет. Ну, *какой-то* драмы он точно ожидал. Когда женщина в своем доме, на своей кухне, оборачивается и обнаруживает, что человек, которого она впервые увидела пару минут назад, наставил на нее пистолет, бурная реакция вполне естественна. Кэрри почувствовала, как машинально округлились ее глаза, как мозгу понадобилось время на осмысление ситуации, чтобы подтвердить, что все это правда.

Он прищурился, словно спрашивая: «Серьезно? И это все?»

В ушах Кэрри отдавался стук сердца, а по спине с головы до пят пробежал холодок. Все ее тело, все существование свелось лишь к ощущению этого гула.

Но это – ее дело. Она не обратила внимания на пистолет и смотрела только на человека – и ничего ему не выдала.

Элиза, воркуя, снова с визгом бросила колечко на пол. Сэм шагнул к ребенку. У Кэрри невольно раздулись ноздри.

– Сэм, – сказала она спокойно и медленно. – Я не знаю, что вам нужно. Но можете брать. Что угодно. Я сделаю что угодно. Только, пожалуйста... – голос надломился, – ...пожалуйста, не трогайте детей.

Хлопнула входная дверь. Горло стиснуло паникой, и Кэрри с трудом набрала воздуха, чтобы закричать. Сэм взвел курок.

– Мам, а папа уже уехал? – крикнул из другой комнаты

Скотт. – Его машины нет, можно играть дальше?

– Скажи, чтобы он пришел сюда, – сказал Сэм.

Кэрри закусил нижнюю губу.

– Мам? – с детским нетерпением повторил Скотт.

– Сюда, – сказала Кэрри и закрыла глаза. – Подойди скорей сюда, Скотт.

– Мам, а можно на улицу? Ты сказала, что можно... – Скотт обомлел, увидев пистолет. Посмотрел на маму, на пистолет, снова на маму.

– Скотт. – Кэрри поманила его. Мальчик, не спуская глаз с оружия, подошел к ней, и она подтолкнула его себе за спину.

– С вашими детьми все будет в порядке, – сказал Сэм. – Или нет. Но это уже зависит не от меня.

У Кэрри снова раздулись ноздри.

– А от кого?

Сэм улыбнулся.

Билл чувствовал на себе взгляды.

Это все форма. У нее есть такой эффект. В ней он казался выше.

О Билле можно было сказать многое, но любой бы подтвердил, что в первую очередь он приятный человек. Учителя и тренеры, потом девушки, с которыми он встречался, родители его друзей. Все знали, что Билл – приятный парень. Он против этого не возражал. Он и правда такой. Но стоило надеть форму, как что-то менялось. Слово «приятный» на

ум уже не приходило. Все еще оставалось в списке. Но его оттесняли другие слова.

Пока он шел мимо бесконечной очереди на проверке паспортов в международном аэропорту Лос-Анджелеса, на него все оборачивались, но стоило им глянуть на фуражку и галстук, как первоначальное возмущение превращалось в любопытство. Люди так больше не одеваются. Это пережиток тех времен, когда полет считался редкой роскошью, важным событием. Форму не меняли специально, чтобы сохранить некую старомодную таинственность. Она вызывала уважение. Доверие. Заявляла о чувстве долга.

Билл подошел к одинокой сотруднице службы безопасности, сидящей за стойкой в стороне от стойки паспортного контроля пассажиров. Аппарат пискнул, просканировав штрихкод на обратной стороне бейджа, и компьютер приступил к обработке.

– Доброе утро, – сказал Билл, протягивая паспорт.

– А все еще утро? – спросила она, пробегая взглядом по тексту рядом с фотографией. Сливив данные с информацией на бейдже, проверила паспорт под синим светом – на пустом месте страницы проявились голограммы и невидимые чернила. Подняв глаза, она удостоверилась, что лицо перед ней совпадает с лицом на документах.

– Наверное, технически уже нет, – сказал Билл. – Но для меня – да.

– А у меня все еще пятница. И поскорее бы она кончилась.

На экране компьютера загрузились фотография и данные с бейджа Билла. Трижды проверив все три удостоверения, она вернула паспорт.

– Удачного полета, мистер Хоффман.

Оставив пропускной пункт позади, он миновал пассажиров, которые натягивали обувь и возвращали жидкость и ноутбуки в ручную кладь. В прошлый раз он летел со стюардессой, которая принципиально не хотела уходить с работы просто потому, что ей было жалко лишаться пропуска. Она воротила нос от перспективы летать как простые смертные – ждать в очереди, соблюдать ограничения по провозу жидкостей, ограничиваться двумя сумками, которые еще и обыскивают каждый раз, а не в случайном порядке. Глядя, как прощупывают мужчину, стоящего в одних носках, Билл вынужден был признать, что в чем-то она права.

Стоя в одиночестве у пустого гейта, Билл, как и обещал, позвонил домой. Он смотрел, как грузовик с бортовым питанием петляет по полю между рабочими в неоновых жилетах, разгружавшими отсек с багажом, и слушал гудки на другом конце провода. Один самолет буксировали к полосе, вдаль взлетал другой.

Они с Кэрри редко ссорились. Поэтому и не умели. Сейчас у нее было полное право обижаться. Сегодня у Скотта первый матч Младшей лиги, и Билл обещал прийти. Заранее проверил, чтобы в день игры и за два дня до и после не намечалось полетов. Но когда тебе звонит шеф-пилот и по-дру-

жески просит о рейсе, ты не отказываешься. Не можешь отказать. Билл был третьим по старшинству пилотом в компании. Когда он в нее только устраивался, еще никто не знал, долго ли она протянет. Новые компании выживают редко. Но он все равно ее держался. И теперь, почти двадцать пять лет спустя, компания добилась успеха в глазах как пассажиров, так и акционеров. «Коустал» – его дитя. И если начальник говорит, что ты нужен, ты отвечаешь «да». Варианта «нет» не предусмотрено.

Так он и сказал Кэрри. Но не сказал, что даже не вспомнил о матче Скотта, когда О’Мэлли просил об услуге. Или что если бы и вспомнил, то это ничего бы не изменило.

Гудки, гудки – и наконец: «Привет! Вы позвонили Кэрри. Сейчас я не могу...» Он сбросил звонок и перед тем, как убрать телефон, мельком увидел высветившуюся на экране семейную фотографию.

Заметив свое отражение в окне, Билл пригляделся к темной шевелюре. Виски уже припорошила предательская седина. Глаза – живые, глубокого синего цвета.

Билл хлопнул ладонью по звонку посреди журнального столика.

– Глаза. Мои глаза.

– Это окончательный ответ? От него зависит все.

– Она сказала, они как ночной пруд. Когда не видишь дна. Но плавать здорово и волнительно. Так что да. Глаза. Это

мой окончательный ответ.

У Кэрри отвисла челюсть.

Билл подался вперед. Он сам чувствовал в своем дыхании запах пива.

– Я это случайно услышал, когда ты болтала с подругой по телефону. Но тебе ни разу не говорил. Я так тебя люблю. – Он послал Кэрри воздушный поцелуй.

Жены радостно зашумели, мужья подшучивали.

– Итак, Кэрри, – сказал ведущий. – «Глаза». Это твой ответ на вопрос, что тебе больше всего нравится в муже?

Она зарделась. С хихиканьем подняла бумажку с ответом: «Задница».

Комната взорвалась. Билл хохотал громче всех.

Он поправил галстук. «Я хороший человек», – напомнил он себе без колебаний. В воспоминаниях промелькнуло разочарование на лице Кэрри, когда она провожала его взглядом из кухни. Он моргнул, посмотрел вслед взлетающему самолету.

Глава вторая

Сойдя с трапа на поле, Билл прищурился, заслонившись ладонью от солнца. Большую часть страны охватили осенние листопады и морозные утра, но в Лос-Анджелесе царило вечное лето.

Обход: стандартный досмотр самолета перед каждым полетом. Окинуть судно взглядом, поискать аномалии, видимые признаки нарушения целостности корпуса или другие механические неполадки. Для большинства пилотов это просто-напросто очередное правило FAA¹. Для Билла же самолет – это храм. Положив ладонь на обтекатель, он закрыл глаза. Медленно вдохнул и выдохнул, развел пальцы – единство металла и плоти, теплых и живых.

В следующем месяце ему исполнится восемнадцать, но в тот день в летной школе Билл знал, что у него начинается куда более важный обряд посвящения.

– Итак, вы знаете, почему, когда мы сдаем план полета, мы пишем «души на борту», а не «люди на борту»? – спросил инструктор.

Билл покачал головой.

– Мы так пишем, чтобы после падения точно знали,

¹ Federal Aviation Administration (FAA) – Федеральная авиационная администрация США. – Здесь и далее примечания переводчика.

сколько тел искать, — объяснил он. — Не будет путаницы из-за разных уточнений — «пассажиры», «экипаж», «дети». Просто сколько тел, сынок. Большие им ничего знать не надо. А! — Он щелкнул пальцами. — И еще иногда мы перевозим в грузовом отсеке покойников, поэтому поисковикам надо знать, что они в счет не входят. Итак, когда ты запишешь число душ...

В ту ночь Биллу не спалось. Лежа на спине и глядя на вращающийся потолочный вентилятор, он слушал, как у другой стены комнаты похрапывает младший брат. Бежеские занавески на открытом окне заигрывали с теплым летним ветерком Иллинойса, по стене плясали волнистые тени.

Спальню еще окрашивала тьма, когда он оделся, выскользнул из дома и поехал на велосипеде вдоль кукурузных полей на местный крошечный аэродром. На поле стояли два самолета; вдали чернела диспетчерская башня, пустая и немая. Самолеты были однодвигательными и поршневыми — на этом типе он и обучался. Этот тип он перерастет, сменив его на большие двигатели, большую загрузку, тяжелые суда. Билл прислонился к забору и долго смотрел на них.

Или это они смеряли его взглядом? Когда поблекли звезды и розовыми и оранжевыми полосками начал пробиваться рассвет, стало казаться, что теперь они спрашивают его.

Выдержит ли он бремя долга? Сможет ли стать тем, кто требуется на этой работе?

Все выглядело нормально. Шины – новые, детали – смазаны, датчики – на местах, ни трещин, ни расслоений. Заметив краем глаза движение, Билл вышел из-под самолета. Из окна кабины смотрел его второй пилот, Бен Миро, он помахал Биллу, показывая, что тоже на месте. Билл спрятал улыбку, когда тот показал на свою бейсболку «Янкис». Билл с отвращением покачал головой. Второй пилот, не переставая ухмыляться, показал в ответ средний палец.

Закончив обход, Билл поднялся по трапу, бросив последний взгляд на самолет. Яркий красно-белый логотип «Коустал Эйрвейс» на хвосте «аэробуса А320» наполнял его гордостью – и тут вспомнилась Кэрри. Вводя код на двери, он проверил телефон.

Ни пропущенных сообщений. Ни пропущенных звонков.

Когда за ним закрылась дверь, глаза уже привыкли к флуоресцентному освещению. Споткнувшись о сумку пассажира, Билл с удивленным смешком извинился перед женщиной, хмуро посмотревшим на него сверху вниз, – а это впечатляло, учитывая, что пилот и сам был под два метра ростом. Приглядевшись к форме, пассажир сменил выражение лица на слабую улыбку.

По трапу к самолету тянулась очередь пассажиров, и Билл с обходительной улыбкой принялся петлять между чемоданами и колясками. Наконец поднялся на борт, бросил взгляд через салон в розово-фиолетовом свете – фирменная атмо-

сфера ночного клуба его модной авиакомпанияи.

– Ну, пора погружаться, – сказал он миниатюрной стюардессе, тянувшейся на цыпочках к одному из шкафчиков на бортовой кухне. Джо обернулась, и в ее глазах загорелось удивление, когда Билл наклонился и обнял ее. Пушистые черные локоны защекотали его щеки, от темно-коричневой кожи повеяло знакомым ароматом ванили.

– Это мой особый аромат, – сказала Джо. – Такой же, как у мамы и у ее мамы. Понимаешь, когда девочке в семье Уоткинсов исполняется тринадцать, на праздник собираются все женщины. Ни одного мужчины – только дамы. Мы садимся на кухне. Говорим, готовим и просто... чувствуем все поколения женщин.

Ее речь звучала как музыка. Билл наслаждался каждой ее растянутой гласной, замечал каждый волнистый перелив и каждую непредсказуемую интонацию. Он постоянно расспрашивал ее о детстве, потому что любил, как проступает поблекший восточнотехасский акцент – а он проступал всегда, если она рассказывала о прошлом. Билл допил пиво и сделал жест бармену, чтобы заказ повторили.

– Никогда не забуду, как прабабушка забрала у меня бутылку «Доктора Пеппера» и поставила на кухонную стойку, – вспоминала Джо, улыбаясь в свой винный бокал так, словно сейчас видела все это перед глазами. – Боже, какие же у нее были руки. Сама не крупная, но ручищи...

В общем, затем она без лишних слов вручила мне блестящую золотую коробочку с синим бантом. Я знала, что это; все мы знали. Помню, как аккуратно сняла бант, открыла коробочку – и вот он. Мой собственный флакончик «Шалимара». Я принялась. Пахло, как от моей мамы. И от ее мамы. Пахло мной, пахло той, кем я стану.

– Я и не знала, что ты летишь с нами, – сказала Джо.

– Согласился вчера вечером. В резерве больше никого не осталось, так что меня попросил О’Мэлли.

– Ого, ты у нас на прямой линии с шеф-пилотом, – сказала она, не прекращая улыбаться проходившим пассажирам.

– Вот видишь? Ты понимаешь, что это значит. Может, и Кэрри объяснишь?

Джо подняла бровь.

– Смотря по какому поводу. Что ты пропустил?

– Первый матч Младшей лиги у Скотта. Хотя обещал прийти.

Джо поморщилась.

– Да сам знаю, – сказал Билл. – Но что мне оставалось? Я же не плохой родитель. Когда я дома – я дома. Не пропадаю, во всем участвую. Просто у меня такая профессия: когда я на работе – я не могу быть дома. Как вернусь, все наверстаю.

Он подождал хоть какого-то одобрения, но Джо лишь продолжила разливать предполетные напитки для первого класса. Подняла глаза.

– Ой, прости, это ты все еще мне? Я-то думала, ты это объясняешь жене. Или сыну. Или... себе. – Она взяла поднос с напитками. – Говоришь-то ты все правильно. Вот только *не тому* человеку.

Джо была права. Джо всегда права.

– Кофе хочешь? – спросила она через плечо, уходя.

– А ты как думаешь? – Билл зашел в кабину.

– Командир! – воскликнул Бен, и они пожали руки, пока Билл усаживался в кресло слева. Почти все поверхности в крошечной каморке были покрыты черными и серыми кнопками и ручками настройки. Кое-где мелькало красное или мигало желтое. Эти сигналы – посланцы неприятностей, препятствия для мирного полета. – Прости, что опоздал, – сказал Бен. – В Лос-Анджелесе пробки даже по субботам.

– Бывает, – ответил Билл, взяв микрофон слева от сиденья. Прочистил горло. – Добрый день, дамы и господа, добро пожаловать на борт «Коустал Эйрвейс», рейс четыре-один-шесть до международного аэропорта имени Джона Кеннеди в Нью-Йорке. Меня зовут Билл Хоффман, сегодня я имею честь быть командиром самолета. Со мной в кабине второй пилот Бен, а в салоне вас обслуживает наша замечательная команда, которая в первую очередь отвечает за вашу безопасность во время полета. Впереди – Джо, сзади – Майкл и Келли. Время полета – пять часов двадцать четыре минуты, никаких проблем не предвидится. Если мы можем сделать для вас перелет еще комфортнее, не стесняйтесь – гово-

рите. А пока что откиньтесь в кресле, наслаждайтесь нашей развлекательной системой – и, как всегда, благодарим вас за то, что вы выбрали «Коустал Эйрвейс».

– Уже видел Келли? Новенькую в хвосте? – спросил Бен.

– Нет, а что?

Бен прекратил вводить координаты в вычислитель управления полетом ради пошлой пантомимы – его движение бедрами невозможно было истолковать превратно. Билл фыркнул и покачал головой. Времена до Кэрри, когда он, будучи вторым пилотом, сам гонялся за каждой юбкой, теперь как будто остались где-то в другой жизни. Бен резко остановился, когда в кабину вошла Джо с дымящейся чашкой.

– Хочешь кофе? – спросила она второго пилота и передала чашку Биллу, зная без уточнений, что он пьет черный.

– Нет, мэм, но, когда будем в баре в Нью-Йорке, обязательно что-нибудь выпью.

– Это правильно. – Она кивнула и ткнула в него пальцем. – Мы почти готовы, дожидаемся только последних двоих. Вы пока не против принять гостя?

Билл обернулся и увидел, что из-за ног Джо выглядывает мальчишка.

– Конечно, заходи. – Он повернулся в кресле и поманил мальчишку, тогда как Джо вышла в салон. За мальчиком присел отец, подбадривая сына шепотом.

– Он застенчивый, – пояснил мужчина. – Но обожает самолеты. Мы то и дело останавливаемся у аэропорта, чтобы

посмотреть, как они садятся и взлетают.

– Это на стоянке рядом с бургерной, у северной летной полосы? Мы с сыном тоже так часто делали, когда он был его возраста. Да и до сих пор время от времени заезжаем. – Билл запомнил себе на будущее свозить туда Скотта после этого рейса. – Знаешь, для чего нужны все эти кнопки? – спросил он ребенка и начал экскурсию.

Через несколько минут в кабину заглянула Джо, пока у нее за спиной проходили последние двое пассажиров.

– Все на месте, Билл, – сказала она, сдавая ему документы.

– Ну, тогда нам пора работать. Спасибо, что зашли. Хочешь собственные крылышки? – Билл залез в наплечную сумку слева от кресла и достал пластмассовые крылья. Отлепив их от подкладки, с официальным видом прижал к футболке мальчишки. Ребенок посмотрел на них, потом засмеялся и уткнулся в ногу отца. Билл улыбнулся, почувствовав укол ностальгии и вспомнив Скотта в детстве – теперь казалось, будто это было так давно. Отец, тихо поблагодарив пилотов, наконец увел ребенка на место.

«Души на борту», – напомнил себе Билл, перепроверяя цифры в ведомости. Поставив подпись, вернул Джо, а та передала ожидавшему снаружи сотруднику аэропорта. Затем люк самолета с тяжелым стуком закрылся, а пассажиры завершили разговоры по мобильным и пристегнули ремни.

– Предстартовый чек-лист, Билл? – спросил Бен.

У Билла загорелся телефон. Он ожидал сообщение от кон-

такта «Кэрри Моб», но, нахмурившись, увидел только рекламное письмо из своего спортзала.

Сзади Джо оттянула дверь кабины от магнитного замка, державшего ее открытой.

– Салон готов к буксировке, – сказала она. Билл повернулся, кивнул и показал большие пальцы. Тогда она заперла дверь – и пилоты остались одни.

Билл перевел телефон в авиарежим, мысленно попрощавшись с Кэрри. Она все-таки знала, что его время ограничено; знала, что он уже не сможет разговаривать после взлета, тем более рядом с Беном. С его стороны было глупо обижаться. Но он обижался. Если ей так хотелось услышать извинения, звонила бы, пока он на земле. Он еще напишет ей в полете, но до Нью-Йорка ни на что большее она может уже не рассчитывать.

– Ладно. Предполетный чек-лист, – сказал Билл.

Бен достал ламинированный список.

– Бортовой журнал, техобслуживание, бортовой номер...

Билл потянулся назад и выключил табло «Пристегните ремни». Самолет – парящая в воздухе человеческая масса – уже выровнялся и теперь устремился на восток.

– «Коустал четыре-один-шесть», ответьте центру LA по один-два-девять-точка-пять-ноль, – раздался в кабине треск из диспетчерской.

– «Коустал четыре-один-шесть», – назвался Билл, – отве-

чаю LA по один-два-девять-точка-пять-ноль. Добрый день.

Бен надавил на переключатель на нижней панели слева. Когда он повернул его против часовой стрелки, желтые электронные цифры снизились до новой частоты. Диспетчер, который отзовется, проведет их через свою юрисдикцию, а потом их примет диспетчер следующего сектора. И так – через всю страну, пока на земле самолет передают, как эстафету.

Билл дождался, когда Бен остановится на частоте 129.50, и нажал на кнопку передачи.

– Добрый день, Лос-Анджелес, – сказал он в микрофон, глядя на панель с показателями высоты, направления и скорости. – «Коустал четыре-один-шесть» идет на высоте три-пять-ноль.

– Добрый день, «Коустал». Сохраняйте высоту три-пять-ноль, – ответил диспетчер.

Билл убрал микрофон и нажал на кнопку на панели перед собой. Над ярлычком «AP1» загорелся зеленый огонек, подтверждающий, что автопилот включен. Отстегнув свои ремни с пятью точками крепления и откинувшись в кресле, Билл приготовился к долгому полету.

– Сэр? – позвала Джо. – Сэр?

Пассажир не сводил взгляда с дисплея на спинке кресла. Джо помахала пальцами перед экраном – и он тут же вскинул глаза, спешно вынул наушники и взял у нее бокал вина.

– Прошу прощения, – извинился он, возвращаясь к про-

смотрю.

– Важный матч? – спросила она, передавая сельтерскую воду безо льда его соседке по первому классу, девушке студенческого возраста.

– Шутите? – с сильным нью-йоркским акцентом сказал пассажир. – Седьмой матч в Мировой серии? Еще бы он был неважным.

– Я так понимаю, вы болеете за «Янкис», – сказала Джо.

– С самого рождения, – ответил он, снова вставляя наушники, чтобы не пропустить предматчевый комментарий.

Девушка рядом с ним писала сообщение своему парню. «Приземляемся в 10:30. Встретишь?» Смотрела, как на экране мигают три точки, и улыбнулась, когда пришел ответ.

В основном салоне пассажир в четвертом ряду листал книжку. Лампочка над ним раздражала соседа в среднем кресле, который пытался уснуть. Женщина, сидящая через проход, нажала на ноутбуке «Послать», и в считанные секунды письмо упало на почту ее начальнику в Лос-Анджелесе. Парень у окна ерзал и гадал, сколько еще сможет вытерпеть, прежде чем придется попросить весь ряд встать и пропустить его в туалет. За ним, запрокинув голову и раскрыв рот, громко храпел «пассажир крупного размера», заранее попросивший у стюардесс удлинитель ремня безопасности. По проходу мимо них топал младенец. Мама поддерживала его за вытянутые над головой ручки в легкой качке самолета.

А по другую сторону двери пилоты в кабине общались

с диспетчерами, меняя по необходимости высоту или скорость. Смотрели прогноз погоды и обозревали открытое пространство впереди – бесконечные пустыни и снежные шапки гор, сменяющиеся живописные пейзажи западной части Соединенных Штатов. Но пока самолет спокойно шел на автопилоте, по большей части они коротали время точно так же, как пассажиры. Бен читал книжку на планшете и время от времени с кем-то переписывался. Билл жевал злаковый батончик и готовился к компьютерной части экзамена для переподготовки, которая проходила каждые два года и должна была состояться через несколько недель.

Ноутбук Билла просигналил уведомлением об имейле. От Кэрри – но без темы или текста, просто фотография. «Странно», – подумал он, открывая вложение. Иногда она присылала снимки детей или событий, которые он пропускал в полете. Но из-за того, как они сегодня расстались, это было неожиданно.

Увидев снимок, Билл несколько раз моргнул, совсем перестав что-либо понимать. Он узнал и диван, и телевизор за ним. Узнал книги и фотографии. Узнал бутылку пива, которую оставил вчера ночью, когда они со Скоттом досмотрели, как команду «Доджерс» разгромили в шестом матче, и легко мог представить себе высокий дуб на заднем дворе, бросающий тень на пол залитой солнцем общей комнаты.

Все это было понятно.

А вот два человека, стоявшие в комнате, – уже нет.

Босые, с голыми ногами, с разведенными по сторонам руками; ладони робко раскрыты в немой мольбе к небесам. Он знал их лица, которые нельзя было различить из-за черных мешков на головах. Ему не надо было видеть розовый педикюр жены, чтобы понять, что это она, и точно так же он сразу узнал тощие ноги сына.

Билл наклонился вперед, пытаясь разглядеть, что надето на Кэрри. Это был какой-то странный жилет с карманами спереди и сзади, а из лежащих в них кирпичиков торчали разноцветные провода. Он уже видел такие жилеты в новостях – зернистые видеокадры, на которых смертники делают последнее заявление, прежде чем стать мучениками. Но в ту секунду он не мог понять, что именно видит, из-за необычности зрелища.

Во рту пересохло. Голова закружилась, и он оперся рукой на столик. Закрыв на пару секунд глаза, надеясь, что, когда их откроет, фотографии уже не будет. Или что он проснется и поймет: все это сон. Что он как-то сможет начать заново. Или просто – исчезнуть.

Когда он открыл глаза, его замутило.

Фотография жены в жилете смертника, стоящей вместе с сыном в их гостиной, никуда не делась.

Пришло еще одно письмо.

Надень наушники.

И тогда на экране высветился входящий вызов по фейстайму.

Глава третья

Билл полез в сумку в поисках наушников. С трудом попал металлическим штекером в отверстие впереди ноутбука и только со второй попытки смог вставить белый наушник в левое ухо – с той стороны, где не видел Бен. Дрожащими пальцами попытался принять вызов – курсор мотало по всему рабочему столу. Все-таки попав по зеленой кнопке, он наблюдал, как его собственное лицо переместилось в нижний левый угол.

На экране появился тощий человек с кустистыми бровями и темной шевелюрой. У него был светлый загар, губы сжаты в тонкую линию. Билл дал бы ему не больше сорока – лицо выглядело знакомым, но он не мог понять почему. Тот улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

На нем тоже был жилет смертника.

– Капитан Хоффман. Добрый день.

Билл промолчал. Раздался треск помех – АТС² прислало указания.

– «Коустал четыре-один-шесть», вас понял, Денвер, – ответил Бен, наклонившись вперед и меняя высоту. – Поднимаемся на три-семь-ноль.

Подкрутил ручку на центральной панели, пока цифры не

² Air Traffic Controller (ATC) – Управление воздушным движением.

показали 37 000, надавил на нее – и самолет в ответ медленно начал набирать высоту. Окинув взглядом горизонт, Бен подавил зевок и нырнул обратно в телефон.

Звонивший ухмыльнулся с экрана, на фоне слышался неистовый плач Элизы.

– Вы не один. Разумеется. Тогда давайте так. Когда будете отвечать, пишите на почту. Я буду говорить. А еще в вашей сумке есть защитная накладка для экрана ноутбука. Достаньте.

Сумка.

Сумка, которую этим утром Билл поставил перед ремонтником.

Он.

Стиснув зубы, Билл поискал в сумке. Вот как этот человек попал в дом и вот как доставил что-то в самолет. Когда Билл вошел на кухню, тот вышел – и тогда-то и подсунул что-то в сумку. Как там его звали? Кэрри вроде бы говорила. Билл не помнил, представился ему гость или нет.

Билл нашел тонкую прозрачную пленку и наклеил на экран. Начал печатать, теряясь от неизвестности. На том конце линии раздался писк. Билл следил за глазами гостя, пока тот читал сообщение.

Где моя семья?

– С ними все хорошо, – ответил гость. – Итак...

Билл не обращал на него внимания, печатая как можно быстрее.

Можно увидеть семью? Пожалуйста.

– «Пожалуйста»! Надо же, как вежливо. Но нет. Пока поговорим наедине.

Пока не увижу семью, нам не о чем говорить.

Гость закатил глаза.

– Ваше упрямство раздражает.

Он наклонился в сторону и поманил кого-то с кухни. Билл отчетливо увидел в его руке детонатор. Беспроводной, с пластмассовой крышечкой над красной кнопкой – грубое устройство, кустарного производства.

На экране появилась Кэрри с детьми, и Билл чуть не всхлипнул. Черные мешки с них уже сняли, но во рту у жены и у сына были кляпы, а руки – связаны. Элиза уже не плакала, и Кэрри с трудом удерживала ее на бедре – неловкая поза из-за связанных рук и жилета. Гость принес с кухни стул, жестом предложил Кэрри с малышкой сесть. Сам сел рядом, а Скотт остался стоять возле матери.

– Итак. – Гость уперся локтями в стол. – Вы не дурак, капитан Хоффман. Или можно на «ты»?

Билл только смотрел на экран. Гость улыбнулся.

– Понимаешь, *Билл*, самое очевидное ты наверняка уже понял. Давай сразу к сути. Ты разобьешь самолет, иначе я убью твою семью.

Кляп подавил возглас ужаса Кэрри – что-то между стоном и вскриком.

– Если кому-нибудь скажешь, – продолжал гость, – твоя семья умрет. Если прийдешь кого-нибудь в дом – твоя семья умрет. – Переложив детонатор из руки в руку, он повторил: – Все просто. Разбей самолет, иначе я убью твою семью. Выбор за тобой.

Внизу позвоночника сгустилась холодная боль. Билл молился, чтобы у него попросили только деньги, но понимал, что так просто не отделается. Стоило увидеть фотографию, как он уже знал: в их кабину проникли. Какое-то чутье подсказывало, что под угрозой теперь и самолет. Печатая ответ, Билл не чувствовал собственных рук.

Я не разобью самолет, а ты не тронешь мою семью.

– Ошибаешься, – ответил гость, прочтя сообщение. – Либо то, либо другое. Сам выбирай что.

Я повторяюсь, сынок. Я не разобью самолет, а ты не тронешь мою семью. Точка.

От намеренно вызывающего тона лицо на экране скриви-

лось.

– Меня зовут Саман Хани, а не «сынок». Зови меня Сэм. Этим утром я представился, но тебе же плевать на какого-то там мастера.

– Чикаго вызывает «Коустал четыре-один-шесть». От «Дельта два-ноль-четыре-четыре» в пятидесяти километрах впереди от вас, к северо-западу от вашего курса, поступили сообщения о турбулентности от низкого до среднего уровня.

Билл подскочил от внезапно вклинившегося голоса АТС, поражаясь, что остальной мир продолжает жить как ни в чем не бывало.

– Заснул, что ли, старичок? – усмехнулся Бен, пролистывая вкладки на своем экране в поисках погодного радар. – «Коустал четыре-один-шесть», вас понял, Чикаго, – сказал он в микрофон. – У нас все спокойно, будем следовать прежним курсом. Сообщим, если понадобится воздух поспокойнее.

– Я, э-э... Я думаю, пока мы долетим, этот очаг уже утихнет. – Билл изо всех сил старался говорить обычным голосом. – Он сдвинется. На север... – Он замолчал и показал на радар.

– Ага, – ответил Бен, а Билл вернулся к компьютеру. – Эй, не против позвонить Джо насчет перерыва?

– А?

Бен склонил голову набок.

– Нормально, если поссать схожу? Господи, да у тебя все в порядке?

– А. Конечно. Все в порядке, – сказал Билл, косясь на ноутбук. – Но вообще, можешь чуток подождать? Я тут пока занят.

– Ладно. Если приспичит, всегда есть бутылка.

В наушнике Билла раздался смех Сэма.

– Ну прямо как день, когда приводишь семью на работу, – сказал он, и Кэрри вздрогнула, когда он положил ей руку на плечо. Пришло письмо, Сэм открыл его и прочитал вслух: – «Думаю, второй пилот не одобрит решение разбить самолет...» Да уж. Вряд ли одобрит. Поэтому тебе сперва придется его убить.

Биллу будто врезали под дых.

С Беном они летали всего пару раз, но ему нравился этот парнишка. Хороший пилот. Смышленный, находчивый. Его уверенность граничила с наглостью, но в той степени, когда за штурвалом это даже полезно. Они спорили из-за спортивных команд. Билл удивился, когда узнал, что Бен – вегетарианец. Пока еще не женат, но наверняка у него есть и семья, и друзья, ценящие его легкий юмор. Подружка? Может, встречается с какой-нибудь стюардессой.

И теперь Билл должен его убить. Точнее, сперва – убить. Чтобы он не мешал убить всех остальных на борту. К горлу подступила тошнота.

Не обращая внимания на то, как Билл что-то печатает,

Сэм продолжил:

– Наверное, ты спрашиваешь себя: *как же ты его убьешь?*

Пальцы Билла замерли.

– В смысле, в конечном счете так же, как и всех остальных.

Ты разобьешь самолет. Но он может попытаться помешать. Поэтому в твоей сумке, на дне большого кармана, есть флакончик с белым порошком. Во время последнего перерыва перед посадкой просто подсыпь порошок ему в кофе, в чай или куда угодно. Пара глотков – и дальше будешь пилотировать один.

Что за порошок?

Сэм прочитал сообщение, но нарочно проигнорировал вопрос.

– А! – Он поднял палец. – А в соседнем кармане ты найдешь металлический цилиндр. После убийства второго пилота – но, очевидно, до крушения, – он улыбнулся, – встряхни этот баллончик и открой дверь кабины. Открути крышку и закинь его в салон. Закрой дверь, разбей самолет – конец.

Билл глупо моргнул, потом начал печатать.

Что в баллончике?

– Столько вопросов – и все такие бессмысленные. – Сэм рассмеялся. – Я не скажу, что это за порошок для второго

пилота. И не скажу, что в баллончике. Иначе, понимаешь ли, мы так и не дойдем до самого интересного, потому что ты никак не задашь правильный вопрос. Например, ты бы мог спросить: «Сэм, а во что должен врезаться самолет?»

Я не буду спрашивать. Потому что не буду ни во что врезаться.

– Ого! То есть это твой выбор? – Сэм поднял детонатор. – Выбираешь самолет?

Кэрри сильнее прижала к себе Элизу. У Билла встали дыбом волосы на затылке.

Я ничего не выбрал.

Сэм, читая, напевал про себя.

– Что ж, в таком случае, если ты ничего не выбрал, продолжай действовать по плану. То есть сажай самолет в JFK³. Только это и есть *выбор*. А значит... – Он поправил жилет, снова переложил детонатор из руки в руку. – Раз уж ты...

Билл начал яростно печатать.

Ладно. Во что я должен врезаться?

³ John F. Kennedy International Airport (JFK) – Международный аэропорт имени Джона Кеннеди.

Сэм прочитал сообщение с расплывающейся улыбкой. Сложив руки на столе, придвинулся к камере.

– Не скажу.

Глядя, как Сэм откидывается назад от смеха, Билл так и чувствовал, как ногти впиваются в ладони чуть ли не до крови.

– Боже, с ума сойти, как смешно, – сказал Сэм. – Слушай, пока что просто следуй заданным курсом. Нам же не нужны подозрения. Никто, кроме нас, не должен знать, что происходит, не забыл? Когда будет надо, я дам новые указания. А пока что не забивай голову. Просто знай, что рано или поздно самолет отклонится от траектории.

Билл печатал так быстро, как мог.

Это же не машина. Я не могу просто взять и сменить курс. Особенно если ты не хочешь, чтобы об этом знали. У меня нет времени объяснять принципы воздушной навигации. Просто поверь. Мне нужно заранее знать, куда мы летим.

Командир смотрел, как гость читает сообщение, и молился, чтобы тот сам не был пилотом. Билл не то чтобы врал – но и всей правды не говорил. И профессиональный пилот раскусил бы его.

Сэм поморгал, ненадолго наморщил лоб, потом посмотрел в камеру и прочистил горло – явно чтобы потянуть вре-

мя.

– Я не назову цель, но назову район, – наконец сказал Сэм.

Билл наблюдал, как Сэм окидывает взглядом множество кнопок и тумблеров в кабине. Билл провел уже достаточно предполетных туров для пассажиров, которые ничего не понимали в полетах, чтобы представить, насколько это ошеломляет Сэма. Тот сделал вдох, помолчал.

– Округ Колумбия.

Билл уронил голову. Ну конечно. А как же. Вашингтон, округ Колумбия – так близко к Нью-Йорку, что смену курса в последнюю минуту будет почти невозможно предотвратить. Цель уже можно было и не называть. Наверняка Белый дом. Или Капитолий.

– Точное место я пока не назову, – сказал Сэм. – И не скажу, что там за таинственный порошок, но дам подсказку. В смысле, ты-то мне нужен живым. Поэтому, когда будешь открывать баллончик перед тем, как бросить его в салон, не забудь надеть кислородную маску.

Ясно, значит, ядовитый газ. Билл глянул в окно на тонкие зыбкие облака под самолетом. Он так и видел, как салон наполняется точно таким же облаком... чего? Его просили – нет, ему *приказывали* – отравить собственных пассажиров.

А если я откажусь бросать баллон?

Сэм прочитал сообщение, ненадолго задумался, отведя

глаза. Посмотрел на семью Билла.

– Так, давай подумаем. Они мне, понятно, нужны живыми до самого конца полета. Но... – На лбу Кэрри лежала выбившаяся прядка. Сэм убрал ее за ухо. – Может, нужны не все? Или необязательно целыми?

Пальцы Билла побелели от того, как он вцепился в поднос. Он еще столького не знал, не понимал. Так хотелось, чтобы все это прекратилось, так хотелось закричать. Он чувствовал, как кровь приливает к лицу. Над верхней губой выступил пот. Он утерся.

– Билл, да расслабься ты, – поддразнивал Сэм, наслаждаясь его заметным волнением. – Ты так стараешься найти выход, но – спойлер – его нет. Просто забей на геройство. Ты *сделаешь* выбор. Семья – или самолет. И если ты пожертвуешь самолетом, то заодно придется бросить баллончик. И точка. – Сэм наклонился вперед, опустил скрещенные пальцы на стол, по-прежнему не выпуская из рук детонатор. – И слушай, Билл. Просто чтобы ты знал: я не идиот. У меня, естественно, есть запасной план на борту. Так или иначе ты сделаешь выбор.

Билл почувствовал, как весь белеет.

Запасной план на борту.

Невинные души.

Кто из них не такой уж невинный?

Чьи глаза следили за ним и остальным экипажем, докладывая обо всем этому маньяку? У этого человека есть ору-

жие? Уже наготове свой баллончик с газом? Он его выпустит? Убьет экипаж, ворвется в кабину, сам убьет Бена, а потом заставит Билла сделать выбор? Билл не успевал за собственными мыслями, подкидывавшими один мрачный сценарий за другим.

Какие у тебя требования?

Сэм прочитал письмо и развел руками.

– В смысле? Я их уже озвучил.

Ты озвучил условия. Но чего ты хочешь?

Тот рассмеялся.

– Билл, до тебя не доходит, да? Ничего я не хочу. Не хочу денег. Не хочу, чтобы выпустили заключенных. Не хочу давить на политиков. Мы не в 1968-м, друг мой. Это тебе не «Лети на Кубу»⁴. Это не QAnon, который ищет детишек в пиццериях⁵, или во что там верят ваши белые расисты. И

⁴ В прошлом в США часто происходили захваты самолетов (с 1961-го по 1972-й в американском воздушном пространстве их угнали больше 130). В 1960-х одним из самых распространенных требований при захвате было направить самолет на Кубу, где в 1959 году произошла социалистическая революция. Это происходило так часто, что стало поводом для шуток.

⁵ QAnon и «Пиццагейт» – теории заговоров, предполагающие, что в США правят богатые сатанисты-педофилы (в случае «Пиццагейта» сторонники теории изучали переписку американских политиков, опубликованную на сайте Wikileaks, и утверждали, что среди прочего «пицца с сыром» – кодовое слово

это не какой-нибудь безумный джихад ради семидесяти двух девственниц. Все это здесь ни при чем.

Он придвинулся к экрану.

– Я просто хочу посмотреть, что сделает хороший человек – хороший американец – в безвыигрышной ситуации. Что сделает такой как ты, когда ему придется выбирать. Самолет с незнакомцами? Или родная семья? Понимаешь, Билл, вся штука правда в выборе. Твоем. В выборе, кто выживет. *Вот* чего я хочу.

Билл не шелохнулся. Сэм рассмеялся.

– Мне нравится, как это тебя пугает! Как ты начинаешь понимать, что меня не купить. Не уговорить. Тебе страшно, что мне не нужно ничего на свете кроме того, что и так уже происходит.

Они буравили друг друга глазами. Билл занес руки, чтобы напечатать очередной вопрос. Руки тряслись.

Зачем? Зачем ты это делаешь?

Билл нажимал «удалить», пока не стер все до последней буквы. Если Сэм и планирует ответить на этот вопрос, то ответит сам, на своих условиях. Билл набрал другой вопрос, тоже удалил. Пальцы в панике заметались. Нужно было понять, с чем он столкнулся, чтобы решить, как реагировать.

Элиза всхлипнула. Он посмотрел на дочь.

Билл знал, что ничего не добьется и только тратит время. Надо действовать.

Он набрал новый вопрос и на этот раз отправил.

Откуда ты узнал, что я буду на этом рейсе?

– Имеешь в виду, как я устроил тебя на этот рейс? – сказал Сэм. – Оказывается, твой шеф-пилот Уолт О’Мэлли тот еще извращенец. Он безо всяких возражений гарантировал, что полетишь ты, – главное, чтобы не всплыли фотографии маленьких мальчиков с его жесткого диска.

Сердце Билла обожгло предательством. Его начальник, коллега. Друг. Они проработали вместе двадцать три года. Вся система прогнила – вплоть до шеф-пилота.

В мыслях наступил полный разброд: не за что ухватиться, нечем их остановить. Он был бессилен в собственной кабине. Беспомощен как человек и как защитник семьи. Угроза дома – и угроза на борту. Страшно подумать, где еще его обманули.

Билл закрыл глаза и перетерпел приступ тошноты. Затем с глубоким вдохом вытянул руки перед собой и сжал кулаки – сжимал и разжимал, сосредоточившись на мысли о том, как по рукам бежит кровь. Пульс мало-помалу замедлился.

Почему ты выбрал меня?

Прочитав, Сэм помолчал, глядя в камеру.

– Вот же ты самодовольный. Думаешь, это что-то личное? Ты для меня просто средство.

Это покажется очень личным для 149 невинных душ на борту, которых ты хочешь убить.

– Ну естественно. Билл, смерть всегда кажется чем-то личным. Даже охренительно личным. Но знаешь, что самое безумное в смерти? Что в ней *нет* ничего личного. Мы все умрем. От этого никуда не денешься. Это самое справедливое, что только есть на свете. И стар, и млад, и тот, кто заслуживает смерти, и тот, кто нет. Но при чем тут вообще это? Умирают же не только плохие люди, смерти-то насовать. – Сэм покачал головой, бормоча себе под нос: – Охренеть можно, «невинные души»...

Он перевел глаза на Скотта.

– Посмотри на сына, Билл.

Билл отказывался. Шли секунды.

Сэм грохнул кулаками по столу. Кэрри со всхлипом прижала к себе Элизу.

– *Посмотри на своего сына.*

Скотт молча глядел прямо в камеру. По его щекам бежали слезы, сжатые кулачки побелели. Он старался, он так старался быть смелым. Несгибаемость будущего мужчины на дрожащих ножках мальчика. Через камеру друг на друга смот-

рели отец и сын, мужчина и будущий мужчина.

— Капитан Хоффман, — тихо проговорил Сэм. — Твой сын — хороший? Он этого заслуживает? — Он грустно покачал головой. — Ты так говоришь о невинности, будто это на что-то влияет. Но все мы — средства на пути к чьей-то цели.

Сэм откинулся на спинку стула, скрестил руки на жилете со взрывчаткой.

— Выбор за тобой. Я свой уже сделал.

Билл услышал, как в салоне кто-то закрывает дверь в туалет. Вспомнил о Джо и остальном экипаже, выполняющем свою работу. Вспомнил о пассажирах, которые просто хотели долететь куда им надо. Представил себе людей в Вашингтоне — сенаторы и члены Конгресса обсуждают законы, секретари приносят им документы. Охранники улыбаются школьникам, приехавшим на экскурсию. Семьи читают подписи к статуям и картинам. Обычные люди, живущие мирной жизнью. Он подумал о своей дочери Элизе, которая еще не сделала и первых шагов. О сыне Скотте, который просто хотел играть.

И впервые позволил себе *по-настоящему* посмотреть на Кэрри.

— Ты же вроде как ненавидишь кошек, — сказала Кэрри.

— Ненавижу, — ответил Билл.

Кэрри улыбнулась, наблюдая за тем, как он гладит ее мурчащего кота Ригли. Взяла палочками тайскую лапшу,

протянула ему, Билл наклонился к ней через весь диван, выронив кусочек курицы на ее голые ноги, закинутые ему на колени. По экрану телевизора прошел черно-белый Хамфри Богарт, и Билл сунул курицу в рот.

У входной двери в другом конце квартиры, на полу рядом с его закрытым чемоданом, лежал его бейдж. У стены – ворох черной одежды: туфли, носки, брюки, ремень, поверх всего – красные кружевные трусики. Под его формой на полу валялись непроверенные сочинения, а ее красная ручка на кухонном столе дожидалась завтрашнего утра – когда он уйдет. Вдалеке за окном как будто одобрительно подмигивала высотка Сирс-тауэр. Билл брал все рейсы в аэропорт О’Хары, какие только давали. Чикаго стал его любимой остановкой.

– Ты веришь в любовь с первого взгляда? – спросила Кэрри, не отрываясь от фильма.

– Да.

Он ответил не задумываясь, и она в ответ покраснела. Одри Хепберн попивала эспрессо, рассуждая о парижском дожде.

– Да? – сказала Кэрри и сунула в рот еще один кусочек курицы. – Почему?

Он недоумевающе повернулся к ней.

– Ну вот ты.

Она замерла, сглотнула кусочек.

– Да?

– Когда я впервые увидел тебя на барбекю. Когда ты только вошла во двор. Да.

– Что – да? – спросила она. Тему любви они еще не обсуждали.

– Да – я знал, что хочу с тобой переспать.

Она ущипнула его за руку.

– Да нет. – Билл развернулся к ней на диване всем телом. Богарт и Хепберн ехали бок о бок в машине. – В смысле, да, но...

Кэрри подняла бровь.

– Слушай, в первый раз, когда я тебя увидел, я сразу понял, что хочу тебя. Но я тебя не просто хотел. Я должен был тебя получить. Это что-то... животное.

– Закапывайся-закапывайся.

– Ну ладно, – сказал он и вздохнул. – У людей есть только одна программа, да? Выживание. Это наша главная цель. И на уровне подсознания и инстинктов нас влечет то, что лучше всего поможет выживанию. Правильно? Так вот я хочу сказать, что, когда впервые тебя увидел, мой организм на клеточном уровне завопил: «ДА». Вуаля. Любовь с первого взгляда. Я же не говорю, что просто хотел перепихнуться. Я говорю... – Он посмотрел на экран, пытаясь понять, как перевести мысли в слова. – Блин, Кэрри. Я тут глажу кота. И беру даже самые хреновые рейсы через Чикаго. И подумываю сюда переехать, если попросишь. Но самое странное – я всего это хочу.

Кэрри, стоит мне выйти за эту дверь, как я уже по тебе скучаю. Я лечу как можно скорее, чтобы добраться до отеля и позвонить тебе. Компания наверняка уже заметила, сколько топлива я ради тебя жгу. Я люблю крошечную точечку у тебя в левом глазу. Люблю, когда ты говоришь, что у тебя зависимость от арахисового масла. Люблю – и один бог знает почему, – что ты веришь, будто это Базз Олдрин должен был первым высадиться на Луну, но Нил Армстронг задвинул его в последнюю секунду. А то, как ты потеешь, когда нервничаешь, но не когда возбуждаешься? Просто обожаю. Это так странно. Но я это обожаю.

Она рассмеялась, уронив одинокую слезинку. Он утер ее и облизнул палец.

– Все это уже знал мой организм. Ты нужна мне, Кэрри. Так что да. Я верю в любовь с первого взгляда.

Ее подбородок дрожал, пока она отчаянно пыталась держать себя в руках.

– Я сплю на твоей подушке, – сказала она со смешком, вытирая глаза. – Когда ты улетаешь, на следующую ночь. Я сплю на твоей подушке. Она слишком мягкая, у меня потом шея болит. Но зато от нее пахнет тобой.

Он забрал у Кэрри из рук тарелку и поставил на журнальный столик. Лег рядом, обхватил за талию, вдохнул запах ее кокосового шампуня. Так они и лежали молча – он в боксерах, она в толстовке, – пока за спиной шло кино.

– Билл?

– Хм-м?

– Ты же вроде как ненавидишь обниматься.

Кэрри смотрела на Билла через камеру. По ее щеке сбегала единственная слезинка, попала на кляп.

Ты не убьешь мою семью. А я не разобью самолет.

Он нажал «отправить» и наполовину опустил экран ноутбука.

– Ладно, – сказал Билл второму пилоту, – я тоже выйду. Не против, если я первый?

– Милости прошу, старость надо уважать, – сказал Бен, когда Билл нажал на кнопку и по ту сторону двери прозвучал приглушенный сигнал.

– Опередили меня, – раздался в динамиках голос Джо. – Я уже сама собиралась позвонить. Перерыв?

– Так точно, мэм, – ответил Билл, опуская спинку кресла.

– Ладно, жду вас. – Раздался щелчок отсоединения.

– Контролируешь? – спросил Билл.

– Контролирую, – ответил Бен.

Когда Билл расстегивал ремни и поднимался, его руки слегка дрожали. Казалось, что уход из кабины – очередное предательство. Он пытался – безуспешно – не думать о родных по ту сторону экрана. Связанные. С кляпами. Беспомощные. Ждут, когда он что-нибудь сделает.

Поправив форму, он глянул в глазок двери, чтобы убедиться, что Джо перекрывает проход. Вот она – скрещенные руки на груди, лицом к салону, твердо уперлась ногами. Если кто-то захочет прорваться в кабину, пока пилоты выходят в туалет, сперва придется пробиться через нее. Через ее полтора метра роста и сорок шесть лет. Большинство бортпроводников выполняли процедуры, введенные после 11 сентября, закатывая глаза. Если террорист и вправду захочет прорваться в открытую дверь, какая-то стюардесса его не остановит. Но Джо относилась к этому всерьез. Много лет назад один второй пилот назвал ее «пятидесятикилограммовой кочкой для террористов». И еще долго выслушивал от нее, как ошибается. Джо, вставая перед дверью, заявляла всему миру: только через мой труп.

И Билл знал, что она не шутит.

Услышав, как за ней закрылась дверь, она обернулась, и при виде выражения лица Билла у нее тут же пропала улыбка. Он молчал, и тогда заговорила она.

– Ну?

– Что? – сказал он.

Она скрестила руки и поджала губы.

– Что? – повторил Билл, хмуро оглядывая салон за ее плечом.

«Если кому-нибудь скажешь – твоя семья умрет. Если прийдешь кого-нибудь в дом – твоя семья умрет».

Он не мог рисковать. Не мог сказать Джо.

Но он должен вызвать кого-то к семье, должен вызвать кого-то к себе домой. Из кабины, где он всегда на виду, это не организовать. А еще в салоне, вместе с Джо и экипажем, находится неизвестная угроза. Как можно их не предупредить? И газ. Если дойдет до газа, салон должен быть готов.

Билл знал, что не разобьет самолет, – но он может притвориться. Для этого придется бросить баллончик. Если он откажется, Сэм расценит это как решение спасти самолет. Его семья погибнет.

Из сердца, заполняя все тело, сочился холодный ужас. Если кто-то на земле не доберется до семьи, придется отравить салон. А значит, экипаж должен быть наготове. Им придется защищать пассажиров... от него.

– Билл? – Голос Джо донесся словно откуда-то издалека.
«Если кому-нибудь скажешь – твоя семья умрет».

Билл оглядел самолет – сто сорок четыре незнакомца на пассажирских местах. Сто сорок четыре возможных угрозы. Внутри смешивались гнев и страх. Чего он еще не знает?

Джо отказывалась спускаться с него взгляд, полный тревоги.
– Билл? – повторила она с напором.

«Если кому-нибудь скажешь – твоя семья умрет».

Как можно вернуться в кабину и оставить экипаж уязвимым?

Джо мягко сжала его руку. От теплого прикосновения перехватило дыхание, словно от разряда тока.

Ему нужна помощь. Его семье нужна помощь. Один он не

справится.

– Джо, – прошептал он. – У нас ситуация.

Глава четвертая

Джо оперлась на кухонную стойку.

Сопровождая ее на бортовую кухню, Билл разыгрывал самый обычный разговор во время самого обычного перерыва. Как только они скрылись от посторонних глаз, он прочистил горло и рассказал ей все.

Джо уставилась на него с раскрытым ртом. Медленно качала головой, но не потому, что отказывалась верить. А потому, что понимала: отныне ничто не будет прежним.

– Повтори, что ты сейчас сказал.

– Нет, – сказал Билл. – Времени нет. Слушай. Кабина, мои средства связи – за всем наблюдают по фейстайму. На мне наушники, поэтому Бен ничего не слышит, но когда...

Голос командира отдалялся, становился все мягче и тише. Джо уставилась в остывавшую на стойке чашку кофе, которую она налила для пожилой дамы на месте 2С. Сейчас казалось, будто этот кофе она наливала когда-то в другой жизни. В жизни до того, как Билл рассказал о ситуации.

Пар колыхался, рисуя над чашкой балетные узоры, пузырьки поднимались на темную поверхность, отражавшую фиолетовый свет флуоресцентной лампы на потолке. Она наблюдала за всем этим абстрагированно: изящный пар, перелив далекого голоса, текущие движения света и тени. Зыбкое, сновидческое состояние – Джо никогда не ходила во сне и

теперь отстраненно задумалась, не на ее ли нынешнее состояние похож лунатизм.

– Мне пришлось рискнуть, – сказал Билл. – Он сказал, что убьет их, если я кому-нибудь расскажу. Но ты с экипажем должна...

Билл о чем-то говорил. О семье? Какой семье? Ее? Нет, Майкл с мальчишками дома. В безопасности. Она смотрела на пузырьки и представляла, что сама сидит в таком же. Она молчком ускользнет в пузырек незаметно для коллег и других пассажиров, закроется от всего. Ничто не войдет, ничто не выйдет. Она подожмет колени к груди и просто будет наблюдать, как снаружи все происходит без нее. Будет чувствовать тишину пузырька, невесомость собственного тела, плавающая по поверхности кофе. Может, ее, маленькую и невидимую, выльют в раковину, и она тайно ускользнет в сток. Она будет рядом, но не в силах ни на что повлиять – и не желая ни на что влиять. Уголки губ подернула неуместная улыбка. Джо ничего не могла с собой поделать. Быть маленькой – такое облегчение.

– Что ты сейчас сказал? – вдруг перебила она Билла.

Билл смутился, словно тоже не понял, что сейчас сказал.

– Я... я говорю, что не знаю, как вызвать кого-нибудь ко мне домой. Не могу же я просто позвонить в ФБР.

– Нет, – ответила Джо. – Зато я могу.

Закидывая пожелтевшее растение в мусорную корзину

под столом, агент ФБР Тео Болдуин спрашивал себя, давно ли оно уже так стоит.

– Их вообще-то поливать надо, Тео, – сказал агент Дженкинс по пути в комнату отдыха.

– Я запомню, – ответил Тео, открывая верхнюю папку в стопке. Придвинувшись к столу на кресле, увидел, что его телефон засветился от входящего сообщения. Прочитав имя отправителя, нажал на кнопку, и экран потемнел.

В другом конце помещения, в офисе-аквариуме, ходила туда-сюда возле своего стола его начальница, прижимая к уху телефон. Ее дверь была закрыта, но Тео и так понимал, что этот разговор не из приятных для всех сторон. Когда она его заметила, он быстро отвернулся.

Тео нравилось приходить в офис по субботам. Тихо, никто не мешает. Можно быстро расправиться с бумажными завалами, чтобы сосредоточиться на самых интересных делах. Прочитав первую страницу, он перешел ко второй, но тут же вернулся к началу, осознав, что не запомнил ни слова.

Кинув ручку на стопку тупиковых и маловажных дел, Тео потер глаза.

Кого он обманывает? Откуда у него интересные дела? То, что он сидит в офисе по субботам, – плохо завуалированная попытка выслужиться. Нет, даже хуже. Жалкая попытка искупления. Он проработал в бюро уже почти три года, но теперь этот стаж ничего не значил. Шесть месяцев назад отсчет пошел заново.

И ведь дело было ерундовым. Самая стандартная облава на наркоторговцев. На руках имелись все данные: они точно знали, кто в доме, где находится, в чем виновен, что им предъявят. По сути, все уже закончилось, не начавшись.

Но под конец притон был испещрен дырками от пуль, а Тео потерял репутацию восходящей звезды бюро. Он только один раз попытался объяснить нарушение протокола. После этого уже помалкивал и не высывался. Оправдываться «интуицией» – все равно что говорить, будто ему фея на ухо нашептала. Пять собраний дисциплинарного комитета, двухнедельный отпуск без оплаты и сомнительный карьерный прогноз теперь означали, что Тео оставалось день за днем ходить на работу, ни на шаг не отступать от правил и надеяться, что когда-нибудь его простят.

Он отпил кофе и с удвоенными силами вернулся к бумажкам.

– А нам стоит волноваться, что мы единственные придурки, которые рassiживаются тут в субботу от нечего делать? – сказал Дженкинс, вернувшись с пачкой чипсов.

У Тео снова засветился телефон. Он не заметил.

– Я думаю, – Тео откинулся на спинку, – что мы единственные придурки, которым не наплевать на свою работу.

– А я вот думаю, нам нужна баба, – сказал Дженкинс с набитым ртом. – Пошли нажремся. Будем клеить цыпочек своими корочками.

Экран телефона Тео снова засветился. Он взял его и уви-

дел семь непрочитанных сообщений от тети Джо. Сердце екнуло, сразу представилось худшее. Его мама, сестра тети Джо. С ней что-то случилось. А может, с сыновьями Джо, которые ему были как родные братья.

— Ну? Двинули? — Дженкинс прислонился к стенке своей офисной кабинки.

Тео уставился на телефон. Так невероятно, что пришлось перечитать. Напиши такое кто-нибудь другой, он бы не поверил.

Но Тео знал тетю Джо.

Схватив свой значок и отъехав на кресле, он даже не обратил внимания на стопку папок, которая опрокинулась, — спорхнувшая на пол недоделанная работа.

Билл тихо прикрыл дверь туалета и сдвинул защелку вправо. Флуоресцентный свет тут же стал ярче. Он постоял, словно забыл, зачем пришел. Хлипкая пластмассовая дверца возмущенно скрипнула, когда он прижался к ней лбом. С его шеи свисал галстук.

Такого поворота событий он никак не ожидал. Такую угрозу он никогда не обсуждал с коллегами и не рассматривал как возможную. Нет такой главы в руководстве, нет такого протокола, нет такого чек-листа. Теперь вся его подготовка казалась до ужаса наивной. Все меры и планы вводились для нападений *на борту*.

Билл обернулся к зеркалу, всмотрелся в отражение. Он

чувствовал себя просто каким-то мужиком в костюме пилота. Форма ему больше не шла. Он взглянул на золотые крылья на рубашке и впервые в жизни задал себе вопрос: а что, если он не заслуживает форму? И не заслуживал никогда?

Он поссал и нажал на кнопку смыва, поморщился от оглушительного шума воды. Раковина встретила так же враждебно – ледяная вода хлестала по трясущимся рукам, пока он тянул время.

Это его последние мгновения в одиночестве. Теперь надо решить, что делать. Как все исправить. Он придвинулся к зеркалу, словно искал ответы по ту сторону.

Ничего не нашел.

Взяв пару бумажных полотенец, позволил себе бессмысленно рассердиться на наглую потребность облегчиться. Организм что, не мог сделать сейчас исключение? Он что, не в курсе, что сейчас нет времени на ерунду?

Кран протекал. Капли одна за другой падали в раковину. Одна за другой, удары барабанных палочек. Пауза. Потом капля. Потом в случайном порядке другая. Никакого ритма как будто не было.

Билл смотрел на капли расширенными глазами, собираясь с мыслями. Руки перестали трястись. Дыхание замедлилось. Он выпрямился.

Идея отчаянная. Но все-таки идея.

Отодвинув защелку влево, Билл вернулся к работе.

Начальница Тео долго смотрела на телефон, потом бросила его обратно через стол. Тот приземлился рядом с ее табличкой – на светящемся экране отразилась надпись «ЗАМЕСТИТЕЛЬ ДИРЕКТОРА МИШЕЛЬ ЛЬЮ». Проведя рукой по затылку, она собрала густые черные волосы в аккуратный хвост. С силой завязала, потом спокойно сложила руки на груди.

– И ты это серьезно? – сказала она.

Он кивнул.

– К сожалению.

Она снова начала ходить вдоль стола. Лью работала в лос-анджелесском отделении уже три месяца, но это были сравнительно спокойные три месяца, и Тео еще не представлялось случая увидеть, как она действует под давлением. Он знал, что она в бюро уже двенадцать лет и известна своей вспыльчивостью. Но не знал, почему она так злится из-за этой ситуации. Или она злится на него? И не поймешь.

– Ты же знаешь, что это дело касается не только нас, – сказала она. – Нацбезопасность. Министерство обороны. Центральный полицейский департамент округа Колумбия. FAA. TSA⁶. NORAD⁷. Белый дом. – Она помолчала. – Тео, если мы начнем действовать... президент отправится в Ситуаци-

⁶ Transportation Security Administration (TSA) – Администрация транспортной безопасности.

⁷ North American Aerospace Defense Command (NORAD) – Командование воздушно-космической обороны Северной Америки.

онную комнату.

Он почувствовал, как в ушах отдается его сердцебиение.

– Надо действовать, – сказал он.

Лью фыркнула.

– Ты хочешь, – прищурилась она, – чтобы я подняла тревогу из-за возможного теракта в Вашингтоне. Ты хочешь, чтобы я среди бела дня послала отряд по спасению заложников в пригород Лос-Анджелеса. И все это на основе данных, которые получил один ты по телефону. От тетушки.

Тео не ответил, но и не отвернулся. Глядя, как Лью жует щеку, он чувствовал, что краснеет. Он знал, что сейчас его оценивают, как не оценивали еще никогда в жизни.

Его баллы за все экзамены были рекордными, а амбиции – заоблачными, но Лью наверняка подробно рассказали о ночи облавы. Агент, который в первую очередь верит интуиции, а не разведанным, – это обуза, а не актив. Он слышал, как она говорила это другому агенту, и, хотя не мог сказать наверняка, все же готов был поклясться, что при этом она зыркнула на него. До этого момента тактикой Лью вроде бы было заваливать его бумажной работой, пока она к нему не присмотрится.

А теперь – вот.

Может, поэтому она и злится.

– Слушай, – сказал он. – Я понимаю, что ситуация... безумная. Я прошу сперва поверить, а потом проверить. И понимаю, что не мне об этом просить. Но я знаю свою тетю.

Поверь хотя бы ей.

– *Ей?* Я-то ее не знаю.

– Это так. Но какой ей смысл это сочинять? Она может потерять все. Работу, репутацию. Люю. Это по-настоящему.

– А если нет?

– А если да? – спросил он с излишним пылом, но тут же прибавил: – Ты рискуешь в любом случае. Но только при одном варианте умрут люди.

Она снова начала мерить кабинет шагами. Тео глянул на часы на стене.

– При всем уважении – самолет в воздухе. У пилота и пассажиров мало времени. Как и у его семьи.

Закрыв глаза, Люю сделала глубокий вдох и выругалась на выдохе.

– Сообщай, – сказала она. – SWAT ФБР⁸ выдвинется немедленно, в пути свяжемся с HRT⁹. Вызывай всех. И, Тео, – поймала она его на выходе из кабинета, – не забывай: два предупреждения у тебя уже есть.

Джо пролистала пассажирский манифест, оценивая рассадку людей на борту. Она была уже на последней странице, когда Билл вышел из туалета.

– Что-нибудь есть? – спросил он.

⁸ Special Weapons And Tactics Teams (SWAT) – специальные боевые подразделения Федерального бюро расследований.

⁹ Hostage Rescue Team (HRT) – отряд по спасению заложников.

Она взяла телефон, проверила, пришел ли ответ от Тео.

– Пока нет. И ни один пассажир не работает в «Ко-устал». – Выдвинув ящик под кофейником, она убрала манифест к своим помаде и книжке, задвинула с металлическим щелчком. Билл попросил проверить, не летит ли кто-нибудь по скидке работника. Возможно, на борту есть внутренний крот? Может, в этом и заключается запасной план? Но нет – тупик.

Впрочем, Джо понимала, как опасно в такой ситуации строить догадки. Билл скрестил руки и уставился в темный салон, прищурился, всматриваясь в отсек второй кухни.

– Доверяешь остальным бортпроводникам? – спросил он.

– Полностью. Ну, конечно, наша третья бортпроводница, Келли, еще совсем зеленая. Мы только что познакомились. Ее назначили на рейс из резерва. Но моя интуиция подсказывает, что ей можно верить.

Билл кивнул.

– Ладно. Будем исходить из этого.

– А ты веришь Бену?

– Конечно. Но это уже моя интуиция.

Джо кивнула.

– Тогда будем плясать от этого.

– Остальным скажешь, когда наш перерыв закончится. И *ни слова* Бену, когда он выйдет.

– Ты же сказал, что доверяешь ему?

– Доверяю. Но чем он мне поможет?

– Плюс... мы не знаем, что он думает о тебе.

– Вот именно. Если он поверит, что я собираюсь его убить... – Билл замолк и прочистил горло. – Слушай, просто не могу рисковать тем, что он решит взять ситуацию в свои руки. Не могу рисковать семьей. – Он бросил взгляд на дверь кабины. – Черт, пора бы уже возвращаться.

– Да, но погоди. А что с пассажирами? – спросила Джо.

Билл и Джо оглядели макушки в салоне. Все читали, спали, смотрели на экраны. Ничего не бросалось в глаза, ничего не казалось подозрительным. Никто не следил за ними, никого как будто не волновало, что они делают.

Но они-то знали.

– Пассажирам говорить нельзя, Джо. Нельзя выдать человеку на борту, что я сделал выбор. Конечно, люди и так о чем-то догадаются, когда вы начнете искать способы их защитить. Но знать всего им нельзя. О Вашингтоне? Ни в коем случае. И о моей семье им знать нельзя. Нельзя знать о самом выборе. Они решат, что я выберу семью. И перестанут нам доверять.

Она не ответила.

– Ты же знаешь, что я не разобью самолет? Знаешь?

Одна из их первых совместных остановок – лет двадцать назад в Сиэтле. Весь экипаж возвращался в отель после приятных посиделок в баре, когда прохожий пьянчуга бросил расистское оскорбление. Джо, единственный чернокожий член экипажа, знала, что речь о ней, но смолчала. А вот

Билл не сдержался. На следующий день второму пилоту пришлось лететь все три отрезка маршрута самому – потому что Билл не мог держать джойстик сломанными пальцами.

Задержки, неполадки, буйные пассажиры. Она передавала ему миллион недоеденных блюд из первого класса и в два раза чаще наливала кофе. 11 сентября он позвонил ей одной из первых. Когда умер его отец, она прислала цветы. Каждый год их семьи обменивались рождественскими открытками. После двадцати лет полетов Билл был не просто коллегой. Он был другом, родным. Джо *знала* Билла.

– Да, – ответила она. – Я знаю, что ты не разобьешь самолет.

Но при этом глубоко внутри нее что-то кольнуло.

На металлической стойке завибрировал телефон. Она прочла сообщение и улыбнулась.

– ФБР уже в пути к твоему дому.

Билл схватил ее за плечи и поцеловал в лоб со слезами облегчения.

Он снял трубку телефона, чтобы позвонить в кабину, но секунду помедлил, прежде чем нажать кнопку.

– ФБР спасет мою семью, а мы спасем самолет. Я постараюсь с ним договориться, но ничего не гарантирую. Возможно, вы тут сами по себе. Но будьте начеку. Вы знаете, что вы не одни.

Джо кивнула.

– Скорее всего, – сказал Билл, – мне придется подыгры-

вать. Я сделаю все, чтобы не бросать баллончик. Но у меня может не остаться выбора. Считайте, что газовая атака *будет*, если только ФБР не успеет освободить мою семью. Они их убьет, если решит, что я выбрал самолет.

– Ясно.

– Салон должен быть готов, понятно?

– Так точно, капитан.

– Джо, чтоб тебя! Я-то, может, и капитан, но, когда эта дверь закроется, ты будешь сама по себе. Все понятно? Это *твой* салон. – Его глаза вспыхнули от нетерпения, и под его взглядом расцвела и ее уверенность. – Даю слово, что не разобью самолет. Но как мне это сделать, я еще не понял. А что касается салона – уже тебе придумывать, как подготовить людей к нападению. Поняла?

Джо молча кивнула, и Билл позвонил в кабину, чтобы второй пилот отпер дверь и впустил его обратно. Она развернулась, блокируя проход. Капитан и стюардесса стояли спина к спине: он – лицом к кабине, она – к салону.

– Я тебе доверяю, Джо. Мы контролируем самолет.

За ее спиной открылась и закрылась дверь, и она осталась одна. Одна в *своем* салоне.

Глава пятая

– Без изменений? – спросил Билл.

– Без, – ответил Бен.

– Контролирую.

– Контролируешь.

Бен расстегнул ремень и отодвинулся на кресле. Пригнувшись, переступил через центральную приборную панель. Поправив штаны и подоткнув рубашку, выглянул в глазок, чтобы проверить, что Джо все еще на своем посту. Билл за его спиной вернул кресло в рабочее положение и пристегнул ремень – контроль над судном перешел от помощника обратно к командиру.

Билл знал, что у него меньше пяти секунд.

Пять секунд, когда экран компьютера еще не включился и Сэм его не видит. Пять секунд, пока Бен отвлекся и не будет задавать вопросов. Пять секунд, чтобы нажать и повернуть нужные ручки приема. Пять секунд, чтобы включить запасную частоту. Пять секунд, чтобы убрать звук в наушниках Бена – чтобы тот не слышал второй канал. Серые ручки с белыми полосками выстроились по центру у его колена, ожидая его команды.

За весь полет эти пять секунд – единственная возможность, чтобы включить то единственное, что он смог придумать для спасения из этого ада.

– Дверь открывается, – сказал Бен.

Дверь открылась и через секунду со стуком захлопнулась. Готово. И всех пяти секунд не понадобилось.

Но этому плану пока придется подождать.

Билл раскрыл ноутбук.

Кэрри медленно качала Элизу, прислонившись щекой к лобiku спящей малышки. Рядом стоял Скотт, уже с сухими глазами. Никто из них не смотрел в камеру.

– С возвращением, – поприветствовал его Сэм. – Принимай.

На почту Билла упало письмо.

– Привет, – сказала Джо с убедительной улыбкой, обернувшись на звук закрывшейся двери. – Как там дела?

– Да все та же фигня. Живем в мечте, – сказал Бен, заходя в туалет.

– Что-нибудь поешь или выпьешь? – окликнула Джо раньше, чем он закрылся.

– Только кофе, спасибо.

– Какой будешь?

– Двойные сливки, один сахар.

Дверь туалета щелкнула. Джо тут же схватила полный кофейник и тихо вылила в мусор. Зарядив новую капсулу, подождала, пока не услышит смыв, затем нажала кнопку. Она хотела выиграть для Билла столько времени, сколько возможно.

– Это что? – спросил Билл, читая письмо.

Оставшись один в кабине, он мог говорить в полный голос, без наушников и писем, и говорил быстро, зная, что это продлится недолго.

– Это заявление, которое ты произнесешь на камеру, – ответил Сэм.

Билл продолжал читать, качая головой.

– Но... что ты сделаешь с записью?

– Разошлю в новости. Потом. После крушения.

Однажды учитель истории в школе Билла поставил классу зернистые черно-белые записи, на которых военнопленные американцы во Вьетнаме читали признания после избиений и пыток. В ту ночь Билла растормошил испуганный младший брат, и Билл обнаружил, что его кровать промокла, а голос охрип: пустые глаза заключенных преследовали даже во сне.

– Я не стану это читать, – сказал Билл.

Сэм посмотрел в камеру горящими глазами.

– Кэрри. – Он заглянул в свою кружку. – У меня остыл чай. Не нальешь еще?

Переводя взгляд от Сэма к камере и обратно, она пыталась понять, в чем подвох. Отодвинулась на стуле, что-то сказала Скотту, что – было не разобрать из-за кляпа. Он, впрочем, вроде бы понял и неуклюже, но как можно осторожнее взял на руки спящую сестру. Они с матерью двигались медлен-

но, помня о взрывчатке на жилете. Кэрри вышла на кухню и оказалась позади компьютера, вне поля зрения Билла. Когда Билл увидел, что дети остались наедине с террористом, его захлестнула паника.

Хотелось закричать, чтобы Скотт убежал. Мчался вместе сестрой за помощью к соседям. Подальше от этого человека, подальше от взрывчатки – и слова уже были готовы сорваться с его губ, когда Сэм достал из-под жилета пистолет. Небрежно навел на детей. Скотт крепче прижал к себе Элизу.

– Билл, – сказал Сэм, – никогда не слышал сказку про тигра и ворона?

Джо за шторкой кухни смотрела на яркий экран телефона и бешено отправляла племяннику сообщение за сообщением, не перечитывая.

Нет, второй пилот не знает и мы НЕ скажем пассажирам

Остальной экипаж тоже еще не знает, скажу после перерыва

Не знаю что с газом. что-нить придумаем.

Не знаю, что это. Что-то плохое. Очень.

пусть в JFK встречают химики

В туалете раздался шум смыва. Джо нажала на кнопку ко-

фейника. Она знала, что это займет минимум четыре минуты, но она и их постарается растянуть.

*напишу когда смогу но сейчас буду занята. и ты тоже.
Люблю тебя Тео.*

– Это не риторический вопрос, – поторопил Сэм. – Ты никогда не слышал...

– Не слышал, – ответил Билл.

Сэм улыбнулся и откинулся на стуле.

– Жил-был тигр, царь джунглей. Однажды на ветку над ним сел ворон. «Тигр, – сказал он, – расскажи, что видят твои царские очи». Тигр отмахнулся от птицы, чуть не оторвав крыло своей могучей лапой. «Поди прочь! – воскликнул он. – Я царь джунглей. Что ты, глупец, поймешь в том, что я вижу». И ворон улетел несолоно хлебавши. На следующий день он прилетел снова и сказал: «Прошу тебя, тигр. Ты наверняка видишь что-то чудесное. Пожалуйста, расскажи, что видят твои царские очи». Но тигр только рассмеялся над несчастной птихой да задрал нос. «К чему тебе то, что видят мои царские очи? Ты слишком мал. Прочь!»

– Твою мать, мы тратим... – процедил через зубы Билл. Но осекся, сделал вдох, сжал и разжал кулаки. Сказал спокойнее: – Слушай. Давай просто поговорим...

– И вот на следующий день, – продолжал Сэм, – тигр дремал на ветке. Но вдруг она обломилась, и царь джунглей

свалился в реку. Его, беспомощного, подхватило течение. В небе появился ворон. «На помощь! – закричал тигр ворону. – Помоги!» Ворон посмотрел, как тигр борется с водой. «Как же я тебе помогу, царь джунглей? Я слишком глуп и мал». Но тут...

Сэм замолчал, когда появилась Кэрри с дымящейся кружкой в руке. Из кружки свешивался ярлычок, завертевшийся, когда она поставила кружку перед Сэмом и вернулась на свое место.

– ...Но тут! – продолжил Сэм с сияющей улыбкой, убирая пистолет под жилет. – Ворон спикировал и выклевал тигру глаза. Царь джунглей ничего не мог поделать и ушел под бурную воду. «Вот теперь, – сказал ворон, улетаая, – я увижу то, что видит царь джунглей».

В комнате опустилась тишина, перелилась в кабину.

– Если ты думаешь... – начал Билл.

Сэм с силой схватил Кэрри за руку, вытянул и прижал к столу, со стуком уронив свой стул. Элиза с криком проснулась.

– Ты пропустил мораль, Билл, – сказал Сэм. Кэрри скричилась. Билл видел, как пальцы Сэма впиваются в ее руку. – А мораль такова: я *получу* то, что хочу. Чем ты при этом жертвуешь, решать тебе. Записывай видео.

Взяв кружку, он опрокинул ее на белую кожу Кэрри, и приглушенные кляпом крики слились с плачем дочери.

Сэм отключил связь, и экран почернел.

Билл схватился за ноутбук. Уставился в черный экран, тяжело дыша. Он понятия не имел, сколько так сидел, глядя в пустоту. Только стук, с которым за дверью кабины открылся туалет, вывел его из ступора.

Бен скоро вернется.

Когда Бен вышел из туалета, Джо только открывала сливки – на ее темные пальцы прыснули мелкие капли, неизбежные от давления на высоте. Вытерев руки салфеткой, она размешала сливки и сахар и показала на кофейник.

– Кофе остыл, так что я заварила новый. Я уже почти все. Второй пилот глянул на кабину.

Протоколы FAA и авиакомпании предписывали быстро выйти и быстро зайти, но сегодня FAA здесь не было. Джо ставила на то, что в силу своих молодости и наглости пилот окажется бунтарем, а не педантом, и, к ее облегчению, он действительно небрежно оперся на кухонную стойку.

– Сегодня сходишь на землю? – спросил он.

– Не-а, – ответила Джо. – Завтра в Портленде – обязательно. Но в первую ночь я отрубаясь и отсыпаюсь. Ты же знаешь, что я замужем уже девятнадцать лет? Можно подумать, уже пора бы привыкнуть спать под его храп.

– Вот еще причина, почему я один.

– Ага. Именно по этой причине, – сказала Джо, глядя, как Бен ищет глазами молодую стюардессу в конце салона. – Живешь далеко от Лос-Анджелеса? – спросила она.

– Нет, в Лонг-Бич.

– О, и я там жила, когда только переехала. А где работал до «Коустал»? Ты здесь уже...

– В январе будет три года, – сказал Бен. – Работал на региональной линии в Буффало. – Он покосился на светящуюся кнопку кофейника.

– Уже вот-вот, – сказала она, подмигнув, и положила одну руку на стойку, а другую – себе на бедро. – Так вот...

И услышала, как на стойке за спиной вибрирует ее телефон.

Билл рассеянно дрыгал ногой. Глядя в окно на симметричные квадраты кукурузных полей внизу, он не моргал почти минуту. В голове так и отдавался крик Кэрри после того, как ее ошпарили кипятком. Непроизвольно всплывали еще более мрачные мысли о том, что может случиться с детьми.

– Твою мать, – пробормотал он и открыл последнее письмо от Сэма.

Достал телефон, свайпнул влево, открыв камеру. Включил видеозапись, выбрал другой объектив, и на экране появилось его лицо. Поднес телефон к ноутбуку, чтобы читать текст, как с телесуфлера. Его изображение на экране тряслось. Глубоко вдохнув, чтобы выровнять камеру, он нажал красную кнопку записи.

Джо налила полную чашку, глядя, как сливки кружат в

кофе – как бежевые, темные и светлые цвета сливаются в оттенки коричневого. Отвлекаясь на такое рутинное занятие, она только в последний момент заметила, что Бен тянется к телефону, чтобы позвонить Биллу и вернуться в кабину.

Действуя раньше, чем сама успела подумать, Джо плеснула кофе себе на руку, вскрикнув от боли. Чашка выскользнула из пальцев и ударилась о металлическую стойку, кофе залил все вокруг. Джо отскочила от брызг.

– Ох ты ж! – Бен с грохотом вернул трубку на место. – Ты как?

Джо рассмеялась с перекошенным лицом.

– Кроме того, что опозорилась? Живая. – Она потрясла рукой, осмотрела ее под светом. – Ну, кофе у тебя точно был горячий. Милый, не подашь мне бумажные полотенца?

Когда Бен зашел в туалет, она быстро глянула на телефон. Сообщение от Тео. «Почти у дома». Убрав телефон в карман, закусил губу, чтобы скрыть улыбку.

– О, спасибо. – Она взяла полотенца. – Сейчас, только быстренько протру.

Билл смотрел, как на телефоне отсчитываются секунды. Прочистил горло.

– Меня зовут капитан Билл Хоффман, и я виновен, – сказал он в камеру. – Виновен в злоупотреблении доверием, манипуляции и эксплуатации. Виновен в том, что угнетал целый народ, чье единственное желание – независимость и до-

стойная жизнь. Виновен в том, что предал и бросил близкого союзника после того, как тот пожертвовал одиннадцать тысяч солдат ради поражения ИГИЛ¹⁰ – просто потому, что я попросил об этом. Виновен в том, что смотрел сквозь пальцы, когда на невинных гражданских сбрасывали химические бомбы.

По щекам стекал пот. Он вытер лицо.

– Крушение рейса четыре-один-шесть, хаос и смерть – это только бледная тень тех боли и страданий, что несправедливо выпали по моей вине на долю курдов. Сегодня ваши легкие наполнит яд, а ваш разум – паника, когда вы будете задыхаться и просить о спасении, которое не придет. Ваши ноздри наполнит мерзкая вонь разлагающейся плоти, пока ваша здоровая американская кожа будет покрываться волдырями, а плоть – гнить до костей. Воспаленные глаза ползут из глазниц от ужаса, когда вы увидите, как на вашем теле отражаются ваши грехи. Вам не спрятаться за пустыми посулами своих привилегий, и тогда вы поймете, что вы – не особенные. Что и вы тоже умрете. И в последние секунды, полные ужаса, вы вспомните тысячи невинных курдских мужчин, женщин и детей, умерших в тех же мучениях – из-за вас. Из-за вас и вашего невежества. Вашего безразличия. Вашего нежелания отягощаться состраданием. И теперь мы с вами заплатим.

Этой жалкой компенсацией не возместить всю несправед-

¹⁰ Запрещенная в РФ террористическая организация.

ливость, учиненную над курдами, но это лучшее, что я могу сделать. И от лица...

Его голос задрожал.

– ...От лица Америки... и от лица своей семьи... я предстану перед вами с курдской кровью на руках и прошу у курдов прощения, принося в жертву свою жизнь и рейс четыре-один-шесть.

Затрещал интерком, и Билл прекратил запись. Уставился на застывшее лицо на экране. Нажал на кнопку на центральной панели.

– Да, – сказал он ровно.

– Это Бен, – раздался голос второго пилота. – Готов заходить.

– Погоди, – сказал Билл. – Диспетчерская на связи.

Он открыл на телефоне почту, прикрепил видео, ввел адрес Кэрри и нажал «Отправить». Положив телефон рядом с ноутбуком, опустил его крышку, чтобы отпереть дверь для Бена, но помедлил.

Передумал и снова открыл ноутбук, зашел в почту. Нажал на папку «Отправленные», чтобы проверить, дошло письмо или нет. И обнаружил, что последнее исходящее сообщение доставлено двадцать минут назад, еще до их перерыва. Письмо с видео не дошло.

– Черт, – прошептал он, обновляя браузер.
Ничего.

Джо стучала пальцем по запястью, оглядывая салон со своего места у двери. Она поняла, что Билл тянет время.

В хвосте мелькнула Келли.

– По-моему, она тоже одна, – с намеком сказала Джо через плечо.

Бен что-то набирал на телефоне. Поднял глаза, явно не понимая, о ком речь.

– А?

Джо кивнула в другой конец салона.

– А! Правда одна?

– Угу. Хочешь задержаться? Я ее позову, – предложила Джо, надеясь, что говорит так небрежно, как и планировала.

Билл знал, что Бен стоит с той стороны, ждет под охраной Джо. Перерыв и так уже затянулся – видимо, Джо старалась как могла, – и если он скоро не откроет, это уже будет подозрительно. И для Бена, и для тех, кто за ними следит. Билл снова обновил браузер. В папке «Отправленные» все осталось без изменений.

Джо смотрела, как Келли со смехом откидывает волосы. Девушка взяла журнал и подошла ко второму бортпроводнику – изгибы ее тела под обтягивающей формой впечатляли даже с другого конца самолета.

Бен глянул на дверь кабины, потом опять на блондинку.

– Даже не знаю, и так уж тут... О. Да-да, Билл. Ага, я го-

тов.

Он повесил трубку, глянув напоследок вслед скрывшейся из вида Келли.

– На следующем перерыве – обязательно, миссис Сваха. – Он подмигнул Джо, дверь открылась, и он зашел.

– Заблудился там, что ли? – спросил Билл.

– Джо умеет заболтать.

Билл открыл ноутбук. В верхней строке папки «Отправленные» было письмо с записью.

Джо слышала, как за ней закрывается и запирается дверь. Обернувшись и выдохнув, она быстро взяла трубку и взглянула через весь самолет на вторую бортовую кухню.

Все сидели на своих местах, кроме девушки, возвращавшейся по проходу из туалета. Сев, она слилась с массой – макушки изредка покачивались в ритм движениям самолета, словно у набитых в кузов овец. Джо смотрела на этих незнакомцев и гадала, что за превратности судьбы свели их здесь и сейчас. Люди не платят за то, чтобы покинуть свою зону комфорта без нужды. Она задумалась, кого из них везут на встречу с друзьями, кого – на свадьбу. На похороны, на работу, в отпуск. Домой.

Для угона самолета.

Но, конечно, не все сто сорок четыре пассажира представляют угрозу. Честно ли держать невинных в неведении о том,

что знает она? Рассказать им – значит подставить семью Билла под удар. Но разве семьи людей на борту не заслуживают большего?

Вот опять. Ропот ее чутья где-то глубоко внутри. В первый раз она закрыла на него глаза, но теперь он стал громче.

Джо знала, что Билл не разобьет самолет. Ее вера в него была твердокаменной. Нет, беда не в этом.

Беда, к сожалению, в том, что *он* не мог доверять *ей*.

Если все рассказать пассажирам, террорист убьет его семью. Это ясно.

Но как бортпроводники могут промолчать? Как могут не дать невинным людям преимущество, чтобы те защитились от угрозы? Скрывать правду и принимать решения за них – значит лишать людей независимости. Это неправильно. Это нечестно.

Хватит.

Джо разорвала эту цепочку мыслей одновременно с тем, как сорвала трубку с телефона. Они защитят пассажиров. Уж что-нибудь придумают. Но ничего им не раскрывая. Она не может предать Билла.

Она следила за двумя другими бортпроводниками на задней кухне. Келли взяла поднос с напитками. Рассмеялась над шуткой коллеги, потом пошла разносить напитки. Джо завидовала их неведению.

Когда она нажала на кнопку, в хвосте вместе с двухтональным сигналом загорелся зеленый огонек. Джо смотрела, как

ее коллега прошел по кухне и взял трубку.

– Горничная.

– Привет, Папочка, – сказала Джо. – Слушай, тут...

Она осеклась. Не по телефону. Об этом нужно сказать лично.

– Хватай Келли и дуй ко мне. Надо поговорить.

Глава шестая

Кэрри осторожно, помня о взрывчатке на жилете, подняла руку.

Мокрая, но не ошпаренная.

В луже на столе плавал чайный пакетик из первой чашки Сэма. А сам остывший чай теперь пропитал рубашку и штаны Кэрри. В ее мыслях все еще отдавались крики ужаса, мучившие тем, что были совершенно необязательны.

Когда Сэм ее схватил, ладони еще покалывало от только что принесенной горячей чашки. Она знала, насколько чай горячий. И ждала ужасной боли. И, когда жидкость попала на кожу, терморепцепторы сошли с ума, рассылая по всему организму ударные волны реакции. Только через секунду мозг осознал, что вода *холодная*. А когда она раскусила трюк Сэма, звонок с Биллом уже прервался. Последнее, что он видел, – пытка жены. Или то, что он принял за пытку.

«Пожалуйста, не наделай глупостей, Билл. Я в порядке. Крепись. Не сдавайся. Он мне ничего не сделал. Пожалуйста, зайка. Только не сдавайся».

Не совсем молитва. Скорее мольба – и она надеялась, он как-нибудь ее почувствует.

Компьютер пискнул.

– Прислал? – спросил с кухни Сэм.

Кэрри посмотрела на экран. В ее почте было новое сооб-

щение с большим приложением. Она кивнула.

– Молодец. – Сэм вернулся в комнату. – Ну что, развлекаемся?

Он открыл письмо и включил запись. На экране появилось лицо ее мужа, тишину дома нарушил его голос. Кэрри слушала, но не могла смотреть.

Вместо этого она смотрела на Сэма.

Отпив чай, который принесла Кэрри, он поморщился и подул. Закинув старый пакетик в пустую чашку, он отнес ее на кухню и поставил в раковину, как чрезвычайно вежливый гость.

Вернулся с полотенцем, молча протер стол, потом взял ее бледную тонкую руку. Протер свободной рукой, не выпуская из другой детонатор. Посмотрел на ее мокрые джинсы. Моргнул и отвернулся, сунув полотенце в ее связанные руки. Ушел в ванную, но тут же вернулся с салфеткой. Скотт мягко покачивал сестру – малышка наконец затихла, устав плакать. По его кляпу стекали сопли. Когда Сэм схватил мать, он заплакал почти так же, как Элиза.

Сэм подошел к мальчику и приложил салфетку к его носу.

– Сморкайся, – сказал он.

Скотт высморкался, Сэм сложил салфетку и протер ребенку верхнюю губу.

От переполненного чувствами голоса Билла было никуда не деться. Кэрри повернулась к экрану.

– От лица Америки... и от лица своей семьи... я пред-

стаю перед вами с курдской кровью на руках и прошу у курдов прощения, принося в жертву свою жизнь и рейс четыре-один-шесть.

Видео остановилось, и Кэрри еще долго смотрела на застывшее лицо мужа. Отвернувшись, обнаружила, что за ней следит Сэм.

Она не прятала глаза. Пространство между ними трещало от напряжения, пока они пытались понять друг друга. Кэрри знала, что ее реакция – или ее отсутствие – совсем не то, чего он ожидал. Но не знала, хорошо это или нет. Вроде бы он не злился и не хотел наказать ни ее, ни детей. Нет, он как будто... заинтересовался. По-другому она это назвать не могла. Он словно разгадывал ее, как пазл, постепенно узнавал, какая деталька куда подходит.

– Когда я сказал твоему мужу, что это не личное, я говорил серьезно.

Ее губы сжали кляп, но она не попыталась заговорить.

Сэм бродил по кухне, словно изучая ее с какой-то клинической отстраненностью. Выдвинул ящик с серебром, задвинул, выдвинул ящик с кухонной утварью. Помедлил у холодильника, склонив голову набок и разглядывая фотографии и детские рисунки. Просмотрел табель оценок Скотта и бросил одобрителный взгляд через плечо, наклонился к семейному календарю. Показал на сегодняшнее число.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.